

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

КЛАСТЕР ВОЙВОД:
ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО КРОВИ

Алексей Александрович Калугин
Кластер Войвод.
Третье правило крови
Серия «Мир Кластеров», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14945575

Калугин, Алексей Александрович. Кластер Войвод: Третье правило крови: Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-85347-2

Аннотация

Операция в Кластере Верда успешно завершена. Но проблем от этого у Валтора Прея не становится меньше. Нужно спасать двух рамонов, пропавших в Лунном Карантине. Нужно найти способ борьбы с чудовищами айвурами, которые становятся сущей напастью для всего Треугольника Кластеров. Ну, а самое главное, необходимо найти способ вернуть к жизни андроида Иону Пурпура, чей срок существования по чисто техническим причинам подошел к концу. За ответами на все эти вопросы рамону вновь предстоит отправиться в Усопшие Земли. Но Третье правило крови, которое ему предстоит там узнать, не сделает его жизнь легче...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	51
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8	79
Глава 9	85
Глава 10	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алексей Калугин

Кластер Войвод.

Третье правило крови

© Калугин А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Мрак поглотил мир. Густой, как кисель. И тяжелый, как свинец.

Казалось, из-за этого каждое движение требует дополнительных усилий.

Рука медленно шла вверх, затем так же медленно совершала круговое движение в сторону и, наконец, плавно опускалась вниз.

Полшага вместо шага.

Стопа скользит по тихо шуршащей траве, над самой землей.

Если шагать быстрее, можно споткнуться и упасть. Запросто.

Или того хуже – напороться на ветку.

Если есть желание остаться без глаза – прогуляйтесь темной ночью по лесу.

Хотя такой темноты даже безлунной ночью не бывает.

Звезд на небе – и то не видно.

Одно слово – Усопье.

Два – Усопшие Земли.

А светляки где?

Где, спрашивается, светляки, которые обязаны порхать вокруг кустов темной ночью, чтобы хоть так порадовать заплутавшего путника?

Виир Хамерхаузен отвел в сторону пойманную на ощупь ветку и крепче сжал руку Регины. Так они заранее договорились, чтобы не говорить попусту.

Они прятались в темноте. А тот, кто прячется, должен хранить молчание.

Почувствовав, что Регина перехватила ветку, Виир отпустил ее.

Выбитое плечо все еще болело, но уже не так сильно, как прежде. С ноющей болью можно было смириться. К ней даже можно было привыкнуть. Настолько, что перестать обращать на нее внимание.

А вот со страхом ничего невозможно было поделаться.

По-счастью, это был не панический ужас, лишаящий рассудка, и не липкая жуть, склеивающая члены, а вполне оправданный, можно даже сказать, рациональный страх, заставляющий оставаться предельно внимательным и собранным.

Главное – не расслабляться.

Ни на минуту.

Ни на миг.

Темной ночью они шли по Усопшим Землям. Из оружия у них имелся только Регинин пистолет и выкидной нож, что лежал в кармане Хамерхаузена.

Фонаря, и того у них не было.

Впрочем, включать фонарь все равно было опасно. Яркий свет привлекал местную живность, чье поведение отли-

чалось не только предельным любопытством, но и крайней агрессивностью. Как будто все они неделю ничего не жрали и теперь готовы были наброситься на все, что кажется хотя бы мало-мальски съедобным.

Например, на пару рамонов, которых занесло сюда не просто по воле случая, а по самому невероятному стечению обстоятельств.

Хотя, с другой стороны, это можно было назвать и чудом. Потому что на самом-то деле они должны были быть мертвы. Гравитационные мины разрывают в клочья все, что оказывается в зоне их поражения.

Им повезло.

Повезло?

Ну, да, чертовски повезло!

Возле самого кордона айвур подкинул вверх квад, в котором они находились, и это снизило поражающий эффект гравитационной мины. Квад крепко покорежило. Айвура разорвало на куски. А Хамерхаузен с Региной оказались по другую сторону кордона – в Усопших Землях.

Прогулка по Усопью вовсе не входила в их планы. Они были к ней не готовы. Но вернуться назад они не могли.

Остаться возле горящего остова клада было смерти подобно. На свет огня и запах горелой резины живенько начали сползаться местные твари, одна другой противнее. Единственным шансом на спасение оставалась попытка затаиться в темноте. С тем чтобы, когда рассветет, вернуться к кордо-

ну в надежде, что спутники станут их искать и, может быть, задержатся до утра. Все вместе они придумают, как им пересечь кордон в обратном направлении. Валтору ведь это удалось. Правда, как именно, Прей так и не рассказал. Ну, да ладно, не один же он такой башковитый.

Вот только для того, чтобы вернуться туда, где лежал сгоревший квад, нужно было сначала дожить до рассвета. А что-то подсказывало Вииру, что сделать это будет совсем не просто. То, что до сих пор они не столкнулись нос к носу ни с одним из обитателей Усопших Земель, многие из которых наверняка ориентировались в темноте гораздо лучше людей, ровным счетом ничего не значило. Хищник мог неслышно следовать за ними по пятам, выбирая момент для нападения. Или, затаившись, ждать, когда они сами к нему придут. Смерть в Усопье не должна была красться на двух или четырех ногах. Она могла упасть сверху и даже вырасти из-под земли. В общем, вариантов сгинуть предоставлялось много. Гораздо больше, чем шансов на спасение.

Но пока они еще были живы. А значит, игра в прятки со смертью продолжалась.

Вывернувшаяся из руки ветка хлестнула рамона по лицу. Хамерхаузен невольно подался назад и что-то тихо прошипел сквозь сжатые зубы.

Из темноты послышалось ответное шипение. Тихое, но вполне отчетливое.

Хамерхаузен замер.

Затаился.

Попытался представить, будто он вообще перестал существовать.

Кто-то из старых рамонов рассказывал, что дикие звери реагируют на некие биотоки, излучаемые мозгом. Если ты сам сумеешь убедить себя в том, что ты мертв, то и зверь в это поверит. А падалью хищники не питаются.

Хотя не исключено, что это только рамонская байка. Хамерхаузен ни разу не встречал человека, которому действительно удалось таким образом обмануть зверя. Пусть даже обычную домашнюю кошку.

Шипение послышалось снова.

Но откуда оно доносилось? Хамерхаузену вновь не удалось определить направление.

Должно быть, виной всему была темнота, будто обволакивающая тело рамона и полностью дезориентирующая его. Хамерхаузен сам себе казался похожим на хрупкую стеклянную вещицу, обложенную плотным слоем ваты и убранный в коробку. Где про нее могли и вовсе забыть. Как можно было понять, откуда доносится шипение, если он не мог определиться даже с собственным местоположением в пространстве.

Где тут верх, а где низ?

Где земля, а где небо?

Сколько им еще суждено было пройти до того, как затаившийся во мраке хищник бросится на них, чтобы сомкнуть

зубы на горле?

Хотя почему именно хищник?

Придерживая в темноте ветки руками, он запросто мог схватить вместе с веткой ядовитую змею.

Или огромная сколопендра могла упасть за шиворот.

Хамерхаузен невольно поморщился – мерзость-то какая!

Стать твою, куда они вообще направляются?

Регина, наверное, думает, что Хамерхаузен знает ответ хотя бы на этот вопрос.

Но нет, он тоже не в курсе.

Если бы не проклятушая темнота!..

Снова шипение.

Зловещее, как щелчок взведенного курка.

А затем – негромкий стрекочущий звук. Как будто кто-то несколько раз резко встряхнул пустую, высохшую тыкву, внутри которой труха и семечки.

– Отпусти мою руку, – шепотом произнесла Регина, едва не касаясь губами уха Виира. – Ты делаешь мне больно.

Не замечая того, Хамерхаузен все крепче сжимал руку девушки.

– Извини. – Виир ослабил хватку.

– Почему мы стоим?

Хороший вопрос, твердь твою!

Хамерхаузен и сам не отказался бы узнать на него ответ.

– Тебе страшно?

С чего это она взяла?

Да что вообще себе позволяет эта рыжая!

Хочет сказать, что ей все абсолютно побоку: мрак, хищные звери, злое шипение?..

Усопье, суть его!

– Ты слышишь?

– Что?

– Шипение.

– Да.

Она произнесла это «да» таким обыденным тоном, как будто в доносящихся из темноты злое шипение не было ничего необычного. Как будто это были самые естественные ночные звуки вроде комариного писка.

– Тебе это не кажется... странным?

– Почему?

– Ну, не знаю...

Что рыжая по-настоящему умела, так это ставить своими вопросами собеседника в тупик. Как к глухой стенке для расстрела. Разве что только глаза не завязывала. Хотя какой смысл делать это в темноте?

– Ты знаешь, что это такое?

– Стать твою, – не сдержался Хамерхаузен, – откуда, по-твоему, я могу это знать? Ты думаешь, я каждое воскресенье выезжаю в Усопье на пикник?

– Не шуми, – строгим голосом осадил его Регина.

– Не доставай меня.

– Ты рамон или кто?

- У тебя есть причины для сомнений?
- Рамон не станет париться из-за ерунды.
- Из-за какой ерунды?
- Да из-за всякой.

– Послушай-ка, детка. – Хамерхаузен повернулся к Реги-не лицом, хотя в поглотившей их темноте лица девушки все равно не было видно. – Или ты перестаешь язвить по любому поводу, или...

- Я тебе не детка.
- Но ты и не рамон.
- Я спасла тебя от черного мешка со щупальцами.
- А я вытащил тебя из пасти плотоядного цветка.

Словесная перепалка не становилась менее яростной от того, что велась едва слышным полусшепотом. Хотя со стороны это, наверное, выглядело забавно. Если б было кому смотреть.

- Разбежимся в разные стороны?
- Зачем?
- Посмотрим, кто доживет до рассвета.
- Ты чокнутая.
- Да. И что с того?

Хамерхаузену было что ответить, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, что-то коснулось его плеча.

- Убери руку, – ненавидяще прошипел Виир.
- Какую?
- Левую.

За правую он ее держал.

Раздался негромкий щелчок пальцев.

– Вот она!

Хамерхаузен замер, боясь пошевелиться.

Воображение уже нарисовало предельно жуткую картину происходящего.

– Тогда что лежит у меня на плече?

Это могла быть огромная змея, готовая обвиться вокруг шеи. Или щупальце гигантского осьминога.

Осьминоги живут в воде?

Да что вы говорите!

А это сухопутный, может быть, даже древесный осьминог!

Рухнувшие небеса! Это ведь Усопшие Земли!

– Не знаю, – с невозмутимым спокойствием ответила на рыжая. – Хочешь, чтобы я проверила?

– Не трогай! – едва не в полный голос воскликнул рамон.

– А что такого?

Регина прикидывалась или на самом деле не понимала, насколько опасно их положение?

Виир снова услышал знакомое шипение. На этот раз можно было не гадать, откуда оно доносится – звук раздался возле правого уха.

– Это ты шипишь? – спросила Регина.

– Нет.

– Тогда... Виир...

– Да?

– У тебя на плече что-то светится.

Осторожно, не поворачивая головы, Хамерхаузен попытался скосить взгляд, чтобы увидеть то, о чем говорила Регина.

– Ничего не вижу.

– Хочешь сказать, что я вру?

– Я просто сказал, что ничего не вижу.

– Ну, знаешь, чтобы не увидеть это, нужно быть слепым.

Хамерхаузен стиснул зубы. Он все же решил не поворачивать голову. Тот, кто сидел у него на плече, пока вел себя спокойно. Но мог среагировать на движение. Виир вовсе не хотел, чтобы его укусили за щеку или за нос.

– Что там?

– Красный крест.

– Что?

– Крест красного цвета. Что непонятно?

– Он лежит у меня на плече?

– Если бы я еще видела твое плечо... Я вижу только красный крест в крошечной тьме.

Светящийся красный крест в темноте – это здорово отдавало совсем уж несусветной дичью. Хамерхаузен даже думать не хотел о том, что у Регины что-то там не в порядке с головой. Но временное помутнение разума – такое ведь с каждым может случиться. Рыжую не так давно чуть было не съел плотоядный цветок. Хамерхаузен вытащил ее буквально из пасти этой твари, всю, с ног до головы перемазанную

мерзко слизью. Шок, потеря ориентации в пространстве – после такого можно не только светящийся крест в темноте увидеть.

А что, если и он сам...

Хамерхаузен начал медленно поворачивать голову.

Со стороны плеча вновь раздалось шипение. На этот раз отчетливое и громкое, похожее на предупреждение.

И тут Виир почувствовал, что его переполняет уже не страх и даже не досада, которая какое-то время была спутницей страха, а злость. Самая настоящая злость. Злость на этот лес, по которому они тащились незнамо куда, на темноту, из-за которой невозможно было сориентироваться, на всех этих тварей, ползающих, прыгающих и летающих, что прятались в темноте и издавали пугающие звуки, потому что в темноте, стать твою, все звуки звучат пугающе! Злость на Регину, в которую будто вселился бес противоречия, из-за чего с ней ни о чем невозможно был спокойно договориться. Злость на себя самого за тот страх, что превратил его в параноика, прячущегося от себя самого в углу за комодом.

Хамерхаузен выпустил руку Регины – Виир! – и быстро провел ладонью по правому плечу, чтобы наконец убедить себя в том, что там ничего нет, кроме его собственных фантазий.

Тварь, сидевшая на плече, оказалась размером с белку. Но шкура у нее была голая и влажная. Она даже не пыталась удержаться на занятом месте. Но перед тем, как упасть, цап-

нула рамона за мизинец.

Зубы у нее были мелкие и острые, как иголки. Виир невольно вскрикнул от боли. А в следующую секунду он почувствовал страшную, обжигающую боль, как будто в кровеносные сосуды всей кисти ему впрыснули крутой кипяток.

Боль быстро поднялась до локтя.

А затем рука онемела.

Боли не было. Но руку ниже локтя Хамерхаузен не чувствовал.

– Виир?.. Ты здесь?

– Ну, а где еще я могу быть? – раздраженно буркнул в ответ Хамерхаузен.

– Почему ты отпустил мою руку? – Рамон почувствовал, как пальцы девушки коснулись его груди. – Виир?..

Она была не напугана, а лишь недовольна тем, что происходит что-то, чего не было в ее собственных планах.

Хотя какие у нее могли быть планы?

У них обоих был один план – выжить.

Выжить любой ценой.

Хотя, если подумать, стоило ли оно того? Ну, в смысле, борьба за существование и прочая дребедень.

Чему равнялись их шансы на выживание?

Смог ли хоть кто-то выжить в Усопших Землях?

Помимо Валтора Прея, разумеется.

Валтор – это особая статья. У этого рамона вообще потрясающие способности к выживанию в любых, самых нечело-

веческих условиях. Если бы не он, в Кластере Джерба сейчас уже не осталось бы ни одного живого человека. Зато мертвецов было бы полным-полно.

Да уж, Валтор Прей – это что-то.

К тому же спутником Валтора во время его путешествия по Усопшим Землям был андроид Иона. Который тоже парень не промах.

А Хамерхаузену приходилось довольствоваться обществом вздорной рыжей девицы, возомнившей себя рамоном.

– Где твоя рука, Виир?

Правой рукой Хамерхаузен ощупал левое предплечье.

На ощупь левая рука была как обычно. Температура кожи нормальная, мышцы не сведены судорогой. Но при этом ниже локтя рука ничего не чувствовала. Наверное, даже если бы он вогнал в нее нож, то все равно не почувствовал бы боли. А вот выбитое плечо по-прежнему ныло.

Хамерхаузен поймал в темноте руку Регины и прижал ее к ладони парализованной руки. Здоровая рука была нужна ему, чтобы ловить ветки в темноте.

– Держись крепче.

Разумеется, Регина не смогла оставить без внимания подобное замечание.

– В каком смысле? – тут же переспросила она.

Хамерхаузен был к этому готов и легко проигнорировал бессмысленный вопрос.

– Ты все еще видишь крест? – спросил он сам.

– Ну, разумеется. Когда его не скрывает твой силуэт.

Ага, выходит, крест все-таки за ним, а не на нем.

– Он ближе или дальше, чем был прежде?

– А ты не можешь сам посмотреть?

Хамерхаузен был уверен, что светящийся крест существует только в воображении рыжей. Но ему было совсем не трудно, он повернул голову и посмотрел себе за спину.

Позади него в крошечной тьме отчетливо светился красный крест.

Все четыре его конца имели примерно одинаковую длину. Крест казался размером со спичечный коробок. Но об истинных его размерах судить было сложно. Вернее – невозможно. Рядом, да и вообще нигде, не было никаких ориентиров. Ничего, с чем можно было бы сравнить размеры креста. Или определить расстояние до него. С равной степенью вероятности крест мог опираться на кончик носа рамона или находиться за сотни метров отсюда. Соответственно, и размеры его могли варьироваться от незначительных до огромных.

Что представлял собой светящийся красный крест, Виир даже думать не хотел. Это могла быть россыпь гнилушек, которые облюбовали светящиеся микроорганизмы. Мог быть светящийся лишайник на стволе дерева. Точно так же крест мог оказаться светящимся фрагментом рисунка на теле какого-нибудь местного упыря.

А может, это все же была фантазия Регины, которую она

навязала Вииру? Так, что он теперь воспринимал ее как свою?

– Я хочу есть, – неожиданно и, как всегда, совершенно не к месту заявила Регина.

Крест качнулся из стороны в сторону с амплитудой в тридцать-сорок градусов. Вслед за тем из темноты раздался хриплый, чуть приглушенный, будто сдавленный, утробный рык.

И это уже точно была не галлюцинация.

Глава 2

Крест снова качнулся из стороны в сторону и как будто немного приблизился.

Рык повторился. Протяжный, утробный.

Подобные звуки мог издавать только крупный хищник. Причем чем-то очень сильно недовольный. Или же расстроенный. Что принципиально ситуацию не меняло.

– Виир...

Голос Регины наконец-то сделался испуганным.

Можно было позлорадствовать по этому поводу. Но настроение было не то.

– Представь себя мертвой, – едва слышно произнес Хамерхаузен.

– Что? – Регине показалось, что она ослышалась или неправильно поняла слова спутника.

– Представь, что ты мертва.

Хамерхаузен чувствовал, как его спину буравит взгляд невидимого в темноте хищника.

Почему он все еще не прыгает?

Хамерхаузен закрыл глаза, хотя в этом не было никакого смысла, и изо всех сил попытался представить себя куском гнилой, разлагающейся плоти.

– Зачем? – спросила Регина.

– Ты можешь не задавать вопросов? Просто сделай то, что

тебе говорят.

– Ты с ума сошел, Виир?

В темноте гулко ухнула ночная птица.

Хамерхаузен потянул носом воздух. Пахло сыростью, какой-то прелью, грибами и мхом.

– Мы не можем от него убежать.

Какое уж тут бежать, не видя ничего вокруг. Они смогут сделать три-четыре шага, не больше. После чего кто-нибудь непременно вlepится лбом в дерево. И – все. Единственный их шанс – прикинуться мертвыми. Слабенький, конечно, шансик, но все же лучше, чем ничего.

– От кого?

– От этой твари с красной меткой.

– Ты любишь кино про зомби?

Да, сейчас, конечно, самое время поговорить о кино! Это еще вопрос, кто из них двоих свихнулся.

Из темноты вновь раздался рык. Медленный, растянутый, как будто ленивый. Или – из последних сил. Со странным влажным причмокиванием в конце.

– Так рычат зомби, – таинственным полупшепотом сообщила Регина.

Хамерхаузен был безмерно рад, что рыжая не могла видеть выражение, появившееся у него на лице.

– Ты совсем спятила?

Он произнес это не с осуждением. Скорее с сочувствием.

– Да? – Регина и не думала отказываться от своей безум-

ной идеи. — А почему он так медленно двигается?

— Может быть, это какой-нибудь гигантский слизень, — предположил Хамерхаузен.

Идея со слизнем, разумеется, тоже была высосана из пальца и явно не тянула на всеобъемлющее объяснение происходящего. Но все же слизень был лучше, чем зомби. И, в соответствии с принципом Оккама, вполне имел право на существование.

— Слизень, — только и сказала Регина.

Но произнесла она это так, что Вииру сразу стало ясно — она считает его идиотом.

Из темноты раздался тяжелый, протяжный вздох.

— Это тоже слизень? — насмешливо осведомилась Регина. — Идем!

Рыжая схватила Хамерхаузена под руку и потащила за собой.

Насколько мог определить Виир, двигались они теперь в направлении, перпендикулярном тому, что выбрали прежде.

Собственно, им было все равно куда идти. Не зная местности, они двигались наобум. Но все же рамону было любопытно, с чего вдруг Регина решила свернуть? Или она все делала, не думая?

— Послушай... — начал Хамерхаузен.

— Не сейчас, — оборвала его Регина.

— Я только хотел спросить...

— Не время.

– Мы уже оторвались от этого... зомби.

Регина, не останавливаясь, посмотрела назад.

Там была только темнота. Красный крест пропал.

– Вот видишь, значит, я была права!

– Насчет чего?

Хамерхаузен ладонью прихлопнул впившегося в шею москита.

– Это был зомби!

– Ну... Я просто так сказал про зомби.

– При чем тут ты? Мы свернули в сторону, а зомби продолжил идти в том же направлении, что и прежде. У этих тварей нет мозгов, поэтому соображают они туго. Пройдет какое-то время, пока он поймет, что оплошал.

– Это ты в кино видела?

Хамерхаузен даже не пытался скрыть иронию.

– По-моему, это очевидно. Если у существа нет мозгов, оно не в состоянии сопоставлять факты и делать выводы.

– Существо без мозгов не может оставаться живым.

– Так зомби – они же мертвецы.

– Мертвецы не могут ходить.

– Зомби – это живые мертвецы.

Хамерхаузен безнадежно цокнул языком. Продолжать разговор в том же духе было бессмысленно. Все мысли и суждения рыжей подчинялись какой-то своей, весьма своеобразной логике, постичь даже самые основы которой Виир был не в состоянии. Наверное, потому, что у него-то как раз

мозги были в порядке.

Регина вдруг пронзительно взвизгнула.

– О, боже мой!

Голос у нее при этом был такой, что Хамерхаузена всего аж передернуло. Рамон даже подумать боялся, что могло случиться с человеком, который так визжал.

– Регина...

Хамерхаузен провел ладонью правой руки по предплечью левой, которая все еще ничего не чувствовала. Руки девушки не было. Но она была совсем рядом – Виир отчетливо слышал ее срывающееся дыхание.

– Что случилось?

– Я вляпалась в паутину, – плачущим голосом сообщила рыжая.

– Что? – Виир не поверил услышанному.

– Прямо лицом... Огромная такая паутина... Гадкая!

– И это все?

– А что, я должна была при этом еще трахнуться лбом о ветку и наступить обеими ногами в дерьмо? – обиженно и зло отозвалась Регина.

– Слушай, это не смертельно, – попытался утешить ее Хамерхаузен.

– Зато – мерзко! Мерзко! Мерзко!..

Хамерхаузен не видел, но чувствовал, как с каждым новым выкриком Регина нервно проводит пальцами по лицу, пытаясь содрать налипшую паутину. Виир прекрасно знал,

каково это – вляпаться лицом в заботливо сотканную пауком ловушку. Хотя она предназначена и не для тебя, ощущение на самом деле неприятное. Но в то же время не настолько, чтобы устраивать по этому поводу истерику.

Рамон снова хлопнул себя ладонью по шее. Москиты становились все более надоедливymi.

– Слушай, а тебя москиты не кусают?

Пауза.

Затем злобный, шипящий полусшепот:

– При чем тут москиты?

– Ну, мне они просто покоя не дают.

– Москиты? Да? А у меня все лицо в паутине!

– Да будет тебе, – снова попытался успокоить девушку Хамерхаузен. Душа у рамона была добрая. И ему действительно было жалко Регину. – Все равно ведь никто не видит.

Должно быть, он сказал что-то не то. Или – не так. Потому что Регина издала вдруг звук, похожий на рык неизвестного существа, помеченного красным светящимся крестом.

– Хочешь сказать, что ты меня ненавидишь? – догадался Виир.

В ответ он готов был услышать все, что угодно, только не то, что прозвучало из темноты.

Регина засмеялась.

Виир Хамерхаузен ничего не сказал.

Но про себя подумал, что если им все же удастся выбрать-ся живыми из этой передраги, он больше никогда, ни разу в

жизни не сядет в один квад с женщиной.

Особенно если она рыжая.

Глава 3

Когда Валтор с Ионой покидали Кластер Верда, на небе не было ни облачка, ярко светило солнце, полуденный зной разливался по высокой траве, иссушая ее кончики, и разве что только внезапные порывы ветра, заставляющие траву никнуть к самой земле, могли стать предвестниками грядущей непогоды.

– Я бы на вашем месте задержался хотя бы на день, – сказал Александр Грир, вместе с другими рамонами вышедший проводить их до ворот гаража. – Вы пропускаете самое интересное. Сегодня вечером должно состояться первое открытое заседание Гильдии Кластера. И, чуёт мое сердце, состав ее будет основательно обновлен. Ты бы не хотел стать членом Гильдии, Валтор?

– Зачем? – подозрительно посмотрел на старого рамона из-под полей акубры Прей.

– Что значит зачем? – удивленно вскинул брови Грир. – Затем чтобы следить за соблюдением законности и порядка.

– Я – рамон.

– И что с того?

– Мое место в пампе.

– Ага, значит, ты будешь по пампе колесить, а Гильдию снова оккупируют такие, как Кир Дунгаев.

Прей недовольно поморщился.

– Не провоцируй меня, Александр Васильевич.

– Куда вы так торопитесь? – сменил тему Грир.

Валтор быстро глянул на Иону.

Андроид сидел на месте водителя, положив ладонь правой руки на рулевое колесо, и смотрел на паукообразного робота-ремонтника, ползущего по стене башни где-то на уровне сорокового этажа. Вид у Ионы был абсолютно отрешенный, как будто все, о чем шла речь, его совершенно не касалось.

– Айвуры, – коротко ответил Валтор. – С решением этой проблемы нельзя затягивать. Если их видели уже возле Войвода, значит, они могут объявиться вообще где угодно. Я не хочу делить с этими тварями пампу. Если существует способ загнать их назад в Гройхентрапп, откуда они так некстати вылезли, надо этим воспользоваться.

– Ты уверен, что найдешь способ избавиться от айвуров в Усопье? – не скрывая сомнения, спросил Эль-Фуэго.

– Я не знаю, к кому еще можно обратиться за помощью. Да и насчет Хамерхаузена нужно разузнать. Выжить в Лунном Карантине – задача не из простых. Но сами знаете, парни, мы, рамоны, народ живучий.

– Неправильно это как-то, – буркнул Рыжий Праттер. – Сюда мы ехали все вместе, а в Усопшие Земли вы с Ионой вдвоем отправляетесь.

– Точно. – Александр Грир открыл заднюю дверцу клада и полез на сиденье.

– Эй! Александр Васильевич! Ты чего это удумал? –

встревожился Валтор.

Грир сел на заднее сиденье так, будто это было его законное место.

– Я еду с вами, парни. – Грир скрестил руки на груди.

– Нет, нет, нет, нет! – решительно запротестовал Валтор. – Это не увеселительная прогулка!

– А я не мальчик в коротких штанишках, – легко парировал Грир.

– Это на самом деле очень опасно...

– Прей, ты полагаешь, меня еще можно чем-то напугать? – снисходительно усмехнулся Грир. – Если по уму, то я уже раз десять должен был погибнуть. И ничего, жив, как видишь. Если мне суждено погибнуть в Усопье – ну и ладно, подумаешь, дело какое. По крайней мере, я посмотрю, что это за Усопшие Земли такие.

– Ты что молчишь? – ткнул локтем приятеля Валтор.

– Что? – Иона оторвался от созерцания ползающего по стене башни робота-паука.

– Александр Васильевич собрался ехать с нами в Усопье.

Иона внимательно посмотрел на Грира:

– Вы так и поедете, без всякого багажа?

– Я рамон, парень, – усмехнулся Грир. – Мне не нужно ничего сверх того, что лежит у меня в карманах.

– Кончай бравировать, Александр Васильевич! – возмущенно воскликнул Валтор. – Мы все тут рамоны!

– Ну, хорошо, – не стал спорить Грир. – Скажем так, я

надеюсь, что у вас в багажнике отыщется все, что мне может понадобиться. И вы не откажетесь со мной этим поделиться.

– Я не против, – сказал Иона.

Валтору показалось, что он ослышался.

– Не против чего?

– Чтобы Александр Васильевич ехал с нами.

– Да ты что! – с показным удивлением всплеснул руками

Валтор. – А что, если я против?

– Почему? – спокойно спросил Иона.

– Потому что... – Валтор запнулся. Он взялся за тулюю акубры, вроде как затем, чтобы сдвинуть ее назад, а на самом деле, чтобы скрыть смущение. Средний палец угодил в пулевое отверстие, и Валтор болезненно скривился. – Ты помнишь нашу поездку через Усопье?

– Разумеется.

– Как велики были наши шансы выбраться оттуда живыми?

– Процентов десять-двенадцать. Извини, точнее сказать не могу.

– Точнее и не требуется. – Валтор перевел взгляд на старого рамона. – Десять процентов, Александр Васильевич. Десять процентов!

Грир сурово сдвинул брови:

– Ты меня пугаешь, Валтор?

– Да, стать твою! – Прей сорвал акубру с головы и указал ею на Грира. – Александр Васильевич, ты совершаешь

огромную ошибку.

– Не впервой.

Валтор пожал плечами, натянул шляпу на голову и откинулся на спинку сиденья.

Посмотрев на стоявших у ворот Эль-Фуэго, Рыжего Праттера, Сима-Малыша, Хаттона и других, Валтор едва заметно улыбнулся и двумя пальцами коснулся края полей акубры.

Этим парням, остающимся в кластере, предстояла работа, какую никогда прежде не делал ни один рамон. Им нужно было установить в кластере новый порядок. Который они сами считали правильным и справедливым. И если у них все получится, то когда-нибудь, спустя много лет, вспоминая о сегодняшних днях, люди будут говорить, что все началось именно здесь, в Кластере Верда, когда за дело взялись рамоны.

К чему все это приведет, Валтор не хотел загадывать. Но то, что началось в Верде, не должно тут же и закончиться. Потому что здесь сейчас находились рамоны почти из всех кластеров Треугольника. И когда они вернутся в свои кластеры, они уже не захотят, да и не смогут жить как прежде, глотая транквилизаторы, чтобы не сойти с ума в замкнутом пространстве башен, и веря лишь в то, что иначе не бывает, да и быть не может, потому что так было с первых дней Эпохи Сепаратизма. И им еще страшно повезло, что они родились в кластере, а не на ферме реднеков. Им об этом твердили изо дня в день. Но теперь они собственными глазами

увидели, что все может быть не просто иначе, а совсем по-другому.

Кто-то когда-то очень давно установил порядок, которому люди слепо следовали на протяжении многих поколений. Но теперь этому пришел конец.

Среди рамонов Валтор заметил нескольких джангуров. Воины в набедренных повязках, с телами, покрытыми густой вязью причудливых татуировок, стояли, опираясь на длинные копья с листообразными наконечниками. Джангуры не держались особняком. Они о чем-то разговаривали с рамонами, предлагали им дымные тростинки, посмеивались, когда те благоразумно отказывались.

Два дня назад подобное было невозможно. Джангуры и близко не подходили к кластерам. С рамонами они порой встречались в пампе, но в отношениях между ними всегда сохранялась настороженность. Они принадлежали к мирам, которые существовали как бы в разных плоскостях, лишь в отдельных точках пересекающихся друг с другом. А большинство из тех, кто живет в кластерах, даже не знали о существовании джангуров.

И вдруг все в одночасье переменилось. Мир перевернулся и стал другим.

Это было непривычно, а потому казалось странным. Но это было здорово!

Валтор невольно улыбнулся – никогда прежде столь необычные мысли не приходили ему в голову. Наверное, не

было повода.

Мир стоял у открытых врат, за которыми находилось будущее.

Какое оно – никто точно не знал. Но все были уверены в том, что это лучшее будущее. Потому что они сами выбрали его для себя.

Так всегда и бывает: кому-то – открывать будущее, кому-то – ехать в Усопшие Земли. В Усопшие Земли ехать предстояло Валтору Прею, Ионе Пурпуру и примкнувшему к ним в самый последний момент Александру Гриру. Что он-то там позабыл?

Хотя какая разница, если он сам так решил.

– Поехали, – сказал Валтор.

Глава 4

Погода испортилась скорее, чем кошка успела бы вылакать блюдечко молока.

К тому времени, как башни Кластера Верда скрылись за горизонтом, холодный северный ветер нагнал откуда-то полчища мрачных туч, затянувших серой хмарью всю голубизну неба. И сразу же зарядил мелкий, противный дождик, способный вывести из себя даже самого спокойного и уравновешенного человека. Всерьез и надолго.

Иона остановил квад, чтобы помочь Валтору натянуть тент. Для этого пришлось сначала сложить станину, на которой был установлен пулемет, подаренный беглым господином Кластера Верда. Вот такие кренделя выписывает порой судьба. Если бы знал Кир Дунгаев, чем обернется поездка Валтора Прея в Кластер Джерба через Усопшие Земли, что бы он тогда предпринял? Уж, наверное, не презентовал бы Валтору пулемет, собранный вручную, как старинные часы, на его собственном оружейном заводе.

Капли дождя молотили по натянутому брезенту, как будто надеялись проделать в нем дырки. Дворники размазывали воду по лобовому стеклу. В двух метрах впереди ничего не было видно. Машина двигалась вперед, как будто продираясь сквозь сумрачное водяное марево.

Грир поймал себя на мысли о том, что если бы он сам на-

ходил за рулем, то давно бы уже надавил на тормоз. Жизненный опыт подсказывал ему, что именно так стоило бы поступить, дабы не искушать судьбу. Везенье-то, оно может еще и пригодиться. Стоит ли растрачивать удачу по пустякам?

Но молодые, бесшабашные парни – такими, с высоты прожитых лет, казались Гриру Валтор с Ионой, – разумеется, придерживались на сей счет иного мнения. И, возмись Грир увещевать их, они, чего доброго, еще поднимут его на смех. Грир нашел бы, как осадить заносчивых юнцов. Но про себя они все равно станут называть его старым ворчуном, который непонятно зачем увязался вместе с ними. Гриру было бы неприятно об этом думать. Главным образом потому, что он и сам не понимал, зачем рванул вместе с ними в Усопье? Он принял это решение с ходу, не раздумывая и не колеблясь. Почувствовал вдруг, что так надо.

Грир отказывался считать себя стариком. Но, тем не менее, возраст то и дело давал о себе знать. То вдруг в коленях появлялись противные, ноющие боли. То поясницу при ходьбе прихватывало так, что хоть вой. А иногда с утра бывало трудно подняться с кровати. Не от того, что что-то болело, – просто возникала предательская, паршивая мыслишка: «А зачем? Зачем вылезать из постели? Какие такие неотложные дела ждут тебя сегодня?

А завтра?

А через неделю?»

Гриру казалось, что жизнь теряет смысл.

А может быть, уже потеряла.

Поэтому-то он с таким азартом поддержал идею Валтора рвануть немедленно в Кластер Верда и замутировать там что-то вроде переворота. Для Грира это был реальный шанс наконец-то вырваться из круговорота бессмысленно однообразных, до жути похожих один на другой дней. И теперь, когда Грир снова почувствовал себя рамоном, главным было не останавливаться.

Он должен был все время двигаться вперед. Должен был слышать равномерный, уверенный рокот хорошо сбалансированного и четко отлаженного мотора. Он готов был ехать куда угодно. Хоть в Усопье, хоть к черту на рога. И даже если эта ездка станет для него последней, что ж с того. Каждый рамон когда-нибудь не возвращается из пампы. И, как правило, никто никогда не узнает, что случилось с любым из них. Про рамона никогда не говорят, что он умер, – никто не видел его мертвым. Говорят, что он уехал и еще не вернулся. Рамон – сам себе господин. Когда решит, что пора возвращаться, тогда и вернется. А может, не вернется никогда. Кто ему прикажет? Вот так однажды уехал и не вернулся старый друг и напарник Грира Жак Крестовский. И Грира по сей день мучает вопрос, не что с ним случилось, а почему он поехал один, ничего не сказав напарнику? Для этого у него должны были быть весьма серьезные причины. Но вот какие именно? Сколько ни ломал Грир голову, он так ничего

и не смог придумать. У него даже никаких предположений не было. Если, конечно, откинуть совершенно фантастические, вроде того, что Крестовский на самом деле был инопланетянином и выпал ему срок возвращаться на родную планету.

– Ну, так что, Иона?

Валтор повернулся к напарнику, сидевшему за рулем.

Андроид, не отрываясь, смотрел на расплывающиеся по лобовому стеклу потеки дождя. Ему казалось противоестественным и странным то, что в их перемещении не прослеживается никакой системы.

– Иона! – снова окликнул его Валтор.

– Что?

Андроид с трудом оторвался от созерцания потоков воды.

– Ты что, не слышал меня?

– Нет.

Валтор был удивлен сверх всякой меры. Пропустить чужие слова мимо ушей мог кто угодно, только не Иона. Уже хотя бы потому, что уши у андроида выполняли чисто декоративные функции. Андроид без ушей смотрелся бы странно и вызывал бы у человека неприязнь. Иона сам об этом рассказывал. А слух у него функционировал совершенно иначе, нежели у человека. У него имелось несколько встроенных микрофонов, которые вели непрерывную запись на карту памяти. В комнате, где играла музыка и веселились два десятка гостей, он мог не только услышать, как муха летит, но и по слуху нарисовать траекторию ее полета. Как с таки-

ми возможностями можно было не услышать слова человека, сидящего рядом с тобой?

Поэтому Валтор и спросил:

– Как это?

– Прости, я задумался.

Если Иона думал, что эти его слова все объяснят, то он жестоко ошибался. Слова его окончательно повергли Валтора в недоумение.

– Ты задумался? – весьма многозначительно повторил Валтор.

– Ну, что-то вроде того, – несколько смягчил формулировку Иона.

– Ну это, разумеется, все объясняет, – медленно повел подбородком сверху вниз Валтор.

– Что ты пристал к парню? – одернул его Грир. – Он за дорогой следит. Посмотри сам – впереди вообще ничего не видно.

Валтор резко обернулся назад.

– Он сам постоянно твердит, что он не человек, – с обидой в голосе произнес рамон. – Как андроид может задуматься настолько, чтобы не услышать то, что ему говорят?

– Ну, всякое случается, – рассудительно заметил Грир.

– Да?.. – Валтор не сразу нашел что ответить. Но все же нашел. – А что, если он задумается настолько, что перестанет следить за дорогой?

– Значит, надо остановиться и переждать непогоду, – от-

ветил на это Грир.

Валтор только молча руками развел. Он рассчитывал получить от Грира поддержку. А оказалось, что старик заодно с андроидом.

– Ты нервничаешь? – искоса посмотрел на Валтора Иона.

– Я? – криво усмехнулся Прей. – С чего бы?

– Не знаю. Но ты – нервничаешь. Тебя что-то тревожит.

– Кончай, – недовольно поморщился Валтор.

Его недовольство было вызвано главным образом тем, что Иона точно угадал его эмоциональный настрой. Валтор на самом деле нервничал.

Ионе оставалось жить пять дней. Эту информацию он получил от старшего техника Кира Дунгаева, занимавшегося перепрограммированием андроидов, которых самый богатый и влиятельный человек в Кластере Верда использовал в своих самых неблагоприятных делишках, о которых никто никогда не должен был узнать. И, если сам Иона, по крайней мере, внешне не проявлял никаких эмоций на сей счет, то Валтор не знал, как себя вести. Ему хотелось успокоить Иону, как-то приободрить его. Но андроид, похоже, не нуждался ни в том, ни в другом.

Как вообще антроиды относятся к смерти? Что это для них?

Может быть, она вовсе не кажется им мрачной, черной бездной, в которую рано или поздно предстоит упасть каждому? Может быть, смерть для них что-то вроде щелчка вы-

ключателя, после которого нет больше ничего? У андроидов нет собственной культуры, поэтому у них не сложилось какого-то традиционного взгляда на смерть. Ну, или, если угодно, на остановку всех жизненных функций и вечное небытие. Но какое-то личностное отношение к тому, что неизбежно должно было произойти, Иона должен иметь. Даже если ему глубоко по фигу все, что произойдет после того, как его система обрушится, он должен хотя бы этим поделиться с Валтором. Потому что Валтор не просто его напарник, а единственный друг. Который, черт возьми, по какой-то совершенно непонятной причине переживает из-за этого непутевого андроида, умудрившегося вляпаться в историю, которая даже для такого прожженного рамона, как Валтор Прей, и то оказалась чем-то таким, про что он обычно говорил, что это уже слишком.

Впереди у них была куча дел. Нужно было попытаться отыскать затерявшегося где-то в Лунном Карантине Хамерхаузена, найти способ избавиться от айвуров, а потом еще и применить его на деле. Джангурам почти наверняка потребуется помощь, когда они вернутся в разоренный айвурами Битхант. Опять же, проблема андроидов – они должны были получить статус, приравнивающий их к людям, которым они прежде только служили... Да и вообще, рамон никогда не сидит без дела. Ему всегда есть чем заняться. Пампа большая – в ней всегда что-то происходит.

Странное дело, но, не отдавая себе в том отчета, Валтор

уже давно думал о Ионе как о своем напарнике. Так, будто этот вопрос давно уже между ними решен. Хотя на самом деле Иона ничего не говорил о своих планах на будущее. Даже когда он полагал, что это будущее у него есть.

Или он уже тогда чувствовал себя обреченным?

Иона мог, по крайней мере, догадываться о том, по какой причине специалисты Дунгаева выбрали именно его, чтобы сделать полностью свободным и научить убивать.

Мог или нет?

Да, собственно, какая разница. Если у него были хоть какие-то сомнения по любому поводу, он должен был поделиться ими со своим напарником. Между людьми, едущими в одном кваде, не должно быть никаких секретов или даже недоговоренностей. Если, конечно, один из них не пристегнут к сиденью наручниками. Иначе это может для всех них плохо закончиться.

Ну а кроме всего прочего, теперь у них на заднем сиденье сидел Александр Грир. И, хочет того Иона или нет, рано или поздно старик поймет, что происходит что-то неладное. Тогда он, как всякий разумный рамон, задаст Валтору прямой вопрос: «В чем дело?» И что должен будет ответить ему Валтор? И, самое главное, как он, Валтор Прей, будет себя при этом чувствовать?

Валтор не любил иметь бледный вид.

Да просто не имел такой привычки.

– Дождь вроде бы слабеет, – как бы между прочим заметил

Иона.

Валтор чуть было не выругался в полный голос.

Он тут, понимаешь, решает вопрос, как им дальше жить, а Иону, стать твою, волнует только погода за бортом. Не того, совершенно не того ожидал от напарника Валтор.

– Что значит дождь на фоне мировой революции? – выдал одну из своих сакраментальных фраз Грир.

Валтор посмотрел на него через плечо:

– Это ты к чему, Александр Васильевич?

– К тому, что дождь, даже самый сильный, непременно когда-нибудь закончится. – Пауза. – Рано или поздно.

– Вот оно что, – уныло кивнул Прей.

Наклонившись, Грир положил ему руку на плечо.

– Слушай, парень, ты нынче какой-то не такой.

– В каком смысле?

– В самом прямом и определенном. Может, у тебя с желудком проблема?

– Почему именно с желудком? – удивился Прей.

– Да обычно те, у кого желудок не в порядке, ведут себя так, как ты сейчас.

– Это как же?

– Делают вид, что лука объелись.

Валтор усмехнулся и качнул головой.

Чего у Грира было не отнять, так это умения дать точное определение любому самому неопределенному понятию.

– Мы едем в Усопье.

– Об этом знает едва ли не весь Кластер Верда.

– Отлично. Но как мы попадем в Усопье?

– Я полагал, у тебя есть какой-то план.

– План есть у Ионы. Но он держит его в секрете.

– Ну, уже хорошо.

– Что хорошо? То, что он не хочет с нами поделиться?

– То, что у него хотя бы есть план.

– Александр Васильевич, – не оборачиваясь, обратился к старику Иона. – Рядом с вами на сиденье стоит синий контейнер.

– Есть такой, – кивнул Грир.

– Будьте добры, откройте его. В нем на самом верху лежит металлический диск. Передайте его Валтору.

– Держи, – Грир кинул диск Прею на колени.

– Ну, и что?

Валтор недоумевающе развел руки. Но со стороны могло показаться, что он не хочет или даже боится прикоснуться руками к лежащему у него на коленях диску.

– Это диск, который нам подарили в Боре-Три, поселке гуманитариев.

– Ну да. Тебе подарили этот диск, а мне – флейту. Не объяснив сакрального смысла сих подношений.

– Вокруг центра диска расположены пять отверстий. Для чего они?

– Чтобы просовывать в них пальцы. Это же очевидно. Пять отверстий – пять пальцев.

– Сделай это.

– Что?

– Вставь в них пальцы.

Валтор насторожился:

– Зачем?

– Сделай, тогда и узнаешь.

Валтор усмехнулся, картинно пошевелил пальцами, разминая суставы, растопырил пятерню пошире и направил пальцы в отверстия. Но, как он ни старался, ему не удавалось вставить в отверстия на диске все пять пальцев одновременно. Даже четыре вставить было непросто.

После нескольких попыток Валтор сдался.

– Ладно, в чем тут секрет?

Иона достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул его Прею.

Валтор развернул лист.

На бумаге был нарисован круг с пятью отметинами.

– Наложь диск на рисунок.

Валтор расправил листок на колене, а сверху на него положил диск. Он уже понял, что нужно сделать. Покрутив диск из стороны в сторону, рамон легко добился того, что все пять отверстий совпали с метками на рисунке.

– Так. Ну, и что все это значит?

– Расположение отверстий на диске с самого начала показалось мне знакомым. Но я не сразу вспомнил... Вернее, не смог сразу сопоставить масштабы. На бумаге – увеличенное

до реальных размеров схематичное изображение расположения датчиков на верхней плоскости гравитационной мины. Мне кажется, такое совпадение не случайно.

– Ты хочешь сказать... – медленно начал Валтор.

– Не валяй дурака, Прей, – перебил его Грир. – Этот диск служит для обезвреживания гравитационных мин.

– Нет, – все так же медленно покачал головой Прей. – Не может быть. Это простое совпадение.

– Почему ты так думаешь? – спросил Иона.

– Ты хочешь сказать, что студенты из Борея-Три создали устройство, обезвреживающее гравитационные мины, и при этом сами не поняли, что же они такое сделали?

– Не просто студенты, а люди, увлеченные Игрой, – уточнил Иона. – Вспомни, что рассказывал Иозеф Кнехт. Они улавливают легчайшие колебания бытия, буквально витающие в воздухе, увязывают между собой то, что, казалось бы, невозможно совместить, и создают на этой основе нечто, чему еще не придумано названия.

– Ерунда, – решительно потрянул головой Валтор. – Эта штука, что я держу в руках, вполне себе материальна. Она создана не из дуновений ветра и колебаний звуков. Это – нормальный кусок железа. Если бы кто-то поставил перед собой задачу создать устройство, обезвреживающее гравитационные мины, то для начала он бы должен был создать некую теорию, провести серию опытов, затем – полевых испытаний, сделать рабочую модель, проверить ее, внести

необходимые коррективы и только после этого перейти к изготовлению самого устройства. Возможно, что-то еще я упустил. – Валтор постучал согнутым пальцем по лбу. – А, ну да, конечно! Чертежи, расчеты, выбор материалов... Ну, в общем, как-то так.

– Ты забыл главное, – сказал Грир. – Принцип действия этой штуковины.

– Точно! – указал на него пальцем Валтор.

– Ты расписал длинную цепочку действий, которой обязан следовать любой обычный человек, – сказал Иона. – Но люди из Борея-Три не соблюдают правил. Они перепрыгивают от начала в конец. От идеи – к ее воплощению. Интуиция для них важнее расчета. То, что нам требуется понять, они уже знают. Вернее даже, не знают, а чувствуют. Так же, как они слышат мелодию в дуновениях ветра.

Валтор осторожно взял загадочный диск за края и перевернул его на другую сторону. От этого картина не сделалась более ясной.

В принципе, он готов был согласиться с тем, что говорил Иона. Не хватало только какой-то малости. Оставались какие-то сомнения.

– Хорошо, допустим, они могли это сделать. Но зачем они это сделали? Эта вещь для них совершенно бесполезна.

– Они сделали ее для нас. Потому что знали, что нам она понадобится. Хотя и не знали, когда и зачем.

Валтор щелкнул ногтем по краю диска.

– То есть мы могли спокойно выехать из Усопья с помощью этого диска, а не исполнять тот самоубийственный трюк, что придумали для нас шинандзаки?

– Видимо, тогда еще было не время. Да и шинандзаки оказались на высоте.

– Ну, хорошо, а как использовать этот диск?

– Точно я не знаю. Но, мне кажется, нужно наложить его сверху на мину так, чтобы отверстия совпали с датчиками.

– Ты сам-то понял, что сказал?

– А что не так?

– Для того, чтобы положить диск на мину, нужно подойти к ней. Но, как только ты к ней приблизишься, она сработает. Причем быстрее, чем ты нейтрализуешь ее.

– Я могу попытаться, – подал голос Грир.

– Александр Васильевич, – с укоризной посмотрел на него Валтор.

– А что Александр Васильевич? – вскинул брови Грир. – Мне терять нечего. Я свое по пампе давно уже отъездил. Однако ж попробовать что-нибудь новенькое, остренькое да пикантненькое завсегда интересно.

Предложенный Гриром игривый тон Валтор не принял.

– Что интересно? То, как тебя разнесет в клочья?

– Интересно, что из этого выйдет. – Грир щелкнул по краю полей акубры на голове Прея. – И имей в виду, парень. Если у меня это получится, я стану первым человеком, обезвредившим гравитационную мину.

– А если нет?

– Ну, тогда спойте что-нибудь там над моими останками.

Мне нравится «Умытый чистой росой».

– Да это же попса!

– И что с того?

– Я не стану это петь.

– Ну и ладно. Иона споев.

– Иона вообще не знает эту песню.

– Кончайте этот разговор, – положил конец бессмысленному спору Иона. – Я смогу точно положить диск на мину, не подхоя к ней.

– Это как же? – заинтересовался Грир.

– У меня хороший глазомер, – сказал Иона. – И бросок точный.

Валтор вспомнил, как Иона за считанные секунды уложил пятерых прячущихся в укрытиях стрелков из банды Дунгеева.

– В этом я как раз не сомневаюсь. Ну, а что, если диск не сработает?

– Тогда воспользуемся планом «Б».

– А, ну да, – с пониманием кивнул Грир. – Конечно, план «Б».

– Что это еще за план «Б»? – насторожился Валтор, ничего не знавший ни о каком плане «Б».

Иона хитро посмотрел на Грира.

Старик заговорщицки подмигнул андроиду и показал ему

большой палец.

– В сложной ситуации у настоящего рамона всегда должен быть план «Б», – произнес он немного ворчливым голосом старого моралиста.

– И в чем же заключается наш план «Б»? – осведомился Валтор.

– В том, что нам о нем ничего не известно. Поэтому мы делаем ставку на диск Ионы.

– Да ну вас! – Валтор кинул загадочный диск на заднее сиденье.

– Александр Васильевич шутит, – поспешил успокоить его Иона. – План «Б» заключается в том, что, если диск не сможет дезактивировать мину, тебе придется играть на флейте.

– Ах-ха-ха, как смешно, – дурашливо всплеснул руками Валтор.

– Я не шучу. Ты же не думаешь, что флейту тебе подарили просто так, чтобы ты научился на ней играть и ублажал слух знакомых в свободное время? Вполне возможно, что флейта и диск работают в комплексе.

– Ты серьезно?

– Я лишь высказываю предположение.

– Хочешь услышать мое мнение?

– Конечно.

Валтор откинулся на спинку сиденья и сдвинул акубру на лицо.

– Бред!

Сквозь пулевое отверстие в тулье ему было видно, как вода застиляет лобовое стекло.

И больше ничего.

Глава 5

Выйдя из машины, Иона быстро надел синий дождевик, что передал ему Грир, запахнул полы и накинул на голову капюшон.

Валтор покинул квад с другой стороны.

С неба лило, как из прохудившегося корыта. Мир вокруг казался расплывшимся и смазанным, как акварель. В пяти-шести шагах все предметы сливались в эдакий неопределенный, подернутый серой рябью фон.

Давно уже в пампе не было такого сильного дождя. После него трава пойдет в рост и вымахает едва ли не до пояса.

Ехать по высокой траве приятно – как будто по морю плывешь. Однако и спрятаться в ней мог кто угодно – а это уже неприятный момент.

– Может быть, подождем, когда дождь закончится? – не очень уверенно предложил Валтор.

Судя по всему, дождь только-только вошел во вкус и даже не думал заканчиваться.

Тяжелые капли молотили по капюшону, забивая уши однообразно-навязчивым стуком, мешающим думать.

– Держи. – Иона протянул Валтору диск.

Прей быстро провел мокрой ладонью по такому же мокрому лицу.

– Ты же сам хотел это сделать.

– Мне нужно подготовиться.

– А, ну тогда...

Валтор взял из рук Ионы диск и вновь попытался вставить в отверстия сразу пять пальцев. И снова у него ничего не получилось. К тому же средний палец застрял на уровне второго сустава и не желал вылезать из не предназначенного для него отверстия. Ни в какую.

Выругавшись беззвучно, Валтор спрятал руку с диском за спину.

Из машины выглянул Грир.

– Парни. – Он поправил желтый капюшон на голове. – А вы уверены, что мы добрались до кордона?

– У меня есть карта. – Иона приставил указательный палец к виску.

– Ну и где граница?

– Видите березу с раздвоенным стволом?

Грир прищурился.

В общем, можно было сказать, что он увидел что-то похожее на то, что описал Иона. Ну, или вообразил, что видит.

– За ней – Усопшие Земли.

Грир выбрался из машины, поправил капюшон на голове и сделал три шага вперед.

Теперь он уже отчетливо видел березу с раздвоенным стволом.

– Что-то никакой разницы, – разочарованно протянул Грир. – Что здесь, то и там.

– А что ты рассчитывал увидеть, Александр Васильевич? – усмехнулся Валтор. – Людей с волчьими головами?

Обычно подобные замечания в свой адрес Грир просто так не спускал. Но сейчас он только пожал плечами и ничего не сказал.

Иона достал из кармана туго набитый холщовый мешочек и подкинул его на ладони.

– Что это? – спросил Грир.

– Шарики.

– Мне нужно еще спросить, зачем они тебе?

– Чтобы точно обозначить местоположение мины.

– Ладно, давай.

Грир сделал приглашающий жест рукой в сторону березы.

Иона решительно и быстро зашагал вперед.

– Не люблю я дождь, – доверительным тоном сообщил Гриру Валтор.

– Говорят, в дождь хорошо жениться.

– Это почему же?

– Фиг его знает. По мне, так в дождь лучше всего быть похороненным.

– Мне снова надо спросить почему?

– Да потому что ты один сухой в своем гробу.

– Нынче в гробах разве что только реднеки своих мертвых хоронят. Обитателям кластеров после смерти прямая дорога в крематорий.

– В крематории тоже тепло и сухо.

– Ну, лучше уж к жинке под бок, чем в крематорий.

Рамоны не спеша, держась в некотором отдалении, следовали за андроидом, который тоже замедлил шаг, выбирая правильную позицию. Обычно местонахождение гравитационной мины можно почти безошибочно определить по приямтой траве. Но сейчас вся трава была прибита к земле дождем.

Иона снова достал из кармана мешочек, выловил из нее большой, размером с хороший грецкий орех, серебряно-поблискивающий металлический шарик и, размахнувшись, кинул его. Пролетев метра два, шарик будто ударился в невидимую стену. Но не отскочил и не упал в траву, а завертелся на месте. Затем взлетел вверх и, как пуля, со свистом срикошетил в сторону Усопя. К этому моменту он и формой уже мало напоминал шарик – так, покореженный кусок металла.

– Александр Васильевич, а ты сам-то был женат?

– Нет, – мотнул головой старый рамон. – Не сподобился. А вот у напарника моего, Крестовского, была жена.

– Да ты что! – удивленно вскинул брови Валтор. – Seriously?

Удивляться тут было чему – редкий рамон обзаводится семьей. Разве что только такой, как Грир, – отошедший от дел, осевший в кластере и садящийся за руль квада не чаще раза за три месяца, да и то только ради забавы. Жизнь рамона неопределенна, а судьба непредсказуема. Жизнь с рамоном – сплошная пытка и нервотрепка. Большую часть времени

рамона приходится ждать. Ждать, не зная, где он сейчас и что с ним. Зато почти наверняка зная, что когда-нибудь он не вернется. Такого никому не пожелаешь. А уж человеку, которого любишь, и подавно.

– Точно тебе говорю, – солидно наклонил голову Грир. При этом с капюшона у него полилась вода. – Нашел он себе девицу в Кластере Войвод.

– А что так? У вас в Джербе, что ли, девчонок симпатичных нет?

– Ну, это называется сердцу не прикажешь, – глубокомысленно изрек Грир.

– И что же это за дамочка такая, сумевшая захомутать самого Крестовского?

Заведя разговор о женитьбе просто так, от нечего делать, Валтор чувствовал, что эта тема все больше забирает его. Ему на самом деле было интересно, что же могло заставить заматеревшего рамона Крестовского пересмотреть свои взгляды на жизнь. Причем пересмотреть в корне. В самой что ни на есть основополагающей части.

– Вообще-то, Крестовский не любил об этом говорить. Он как будто стеснялся того, что у него есть семья. Он всего дважды брал меня с собой, когда ездил в Войвод. И то мне приходилось долго его уламывать.

– Так он не жил с семьей постоянно?

– Нет. Но навещал их регулярно.

– Должно быть, жена у него была красотка? – Валтор лу-

каво подмигнул Гриру. — А, Александр Васильевич?

— Да я бы так не сказал. — Грир наклонил голову, чтобы дать стечь воде, собравшейся в складках капюшона. — По мне, так самая обычная женщина. Невысокого роста, худенькая, рыжая. Все лицо в веснушках, да и руки тоже... Вот улыбка у нее была, ну, просто... Я даже не знаю, как сказать. Когда я видел, как она улыбалась, то и сам не мог удержаться от улыбки. — Старик усмехнулся, как будто чувствуя некоторую неловкость. Воспоминания захватили его и вели за собой. Теперь он уже не Валтору это рассказывал, а самому себе. — Но при этом она своевольной была, как кошка. Я раз что-то не так за столом сделал. Сам уже не помню, что именно, но ей не понравилось. Она на меня так зыркнула, что ясно стало, в следующий раз глаза может выцарапать.

Иона тем временем вытряхнул из мешочка в горсть с десятков шариков и принялся один за другим кидать их в сторону гравитационной мины, внимательно следя за их траекториями. При этом андроид не стоял на одном месте. Не приближаясь к эпицентру гравитационной аномалии, он постоянно перемещался из стороны в сторону. Иногда он садился на корточки и кидал шарик так, что он летел над самой травой. Ионе требовалось с точностью до сантиметра определить место залегания мины.

Рамоны ничем помочь ему в этом не могли, а потому благоразумно держались в сторонке, чтобы не мешать и не лезть с глупыми советами.

– А как ее звали? – спросил Валтор.

– Зачем тебе это?

Валтор видел только край капюшона, скрывающий лицо старика. А ему было бы жуть как интересно увидеть сейчас лицо Грира. Валтору хотелось понять, что за чувства испытывал старый рамон, мысленно возвращаясь в прошлое. Ведь когда-нибудь он и сам может оказаться на его месте. Если, конечно, очень повезет.

– Да просто так, – пожал плечами Валтор. – А то ты все время «она» да «она». Сейчас-то в этом нет никакого секрета. Крестовского давно уже нет в живых. А что с ней стало?

Грир ответил не сразу.

Ох, как же хотелось Валтору хотя бы мельком взглянуть на его лицо!

– Ее звали Катерина... Катя... Она работала медсестрой в одном из медицинских центров Кластера Войвод... Когда я вместе с Крестовским был у нее дома во второй раз, у нее уже был ребенок. Девочка полутора лет... Когда Крестовский не вернулся из пампы, я поехал к ней... Сам Крестовский никогда не говорил мне чего-нибудь вроде: «Если вдруг со мной что-то случится, позаботься о моей семье». Он понимал, что нельзя обременять рамона какими бы то ни было обязательствами... Тем более чужими... Если, конечно, он сам этого не хочет... Но я должен был хотя бы что-то сделать для Катерины... В память о Крестовском, который был моим напарником много лет... Она даже не заплакала, когда

я сказал, что Крестовский не вернулся. Она сказала, что ей не требуется никакая помощь. И что вообще она не желает более меня видеть. Я для нее никто, так что могу спокойно себе проваливать. Она и одна не пропадет... В том, что не пропадет, я ничуть не сомневался. Однако ж на тот момент она была беременна вторым ребенком.

Пауза.

Слишком длинная пауза.

Только дождь стучит по капюшону.

– И что дальше?

– Все. Больше я ее не видел. И ничего о ней не знаю.

Валтор озадаченно прикусил губу. Один момент в истории Грира показался ему странным.

– Ты сказал, что Крестовский не вернулся из пампы. То есть ты не знаешь, что с ним случилось?

– Нет, – коротко ответил Грир.

– Но вы были напарниками. Почему в тот раз Крестовский поехал один?

– Он поехал... по личному делу.

– В пампу?

– Да.

– По личному делу?

– Что ты привязался? – Грир произнес эти слова спокойно, без раздражения, скорее уж с мягким упреком.

– В пампу не ездят по личным делам. В пампу ездят за товаром.

– Молод ты еще, Прей.

– Молод для чего?

– Чтобы понять.

– Да как же тебя понять, если ты ничего не говоришь? – с досадой всплеснул руками Валтор.

– Бывают в жизни человека моменты... – начал было Грир.

И умолк.

– Ну?.. – попытался подтолкнуть его Валтор.

– Давай я тебе потом расскажу.

– А почему не сейчас?

– Сейчас не хочу.

Старик едва ли не по локоть засунул руки в карманы плаща.

Валтор прекрасно понимал значение этого жеста. Он означал, что теперь Грир, пытай не пытай его, ничего больше не скажет.

«Ну, и ладно, – подумал Валтор. – Подумаешь, дело какое. Делает вид, будто знает, где клад зарыт».

Но на самом деле он чувствовал досаду из-за того, что история осталась недосказанной. Как будто из книги вырвали несколько последних страниц. Если в середине что-то пропущено, так можно и самому додумать. А концовка – это ж самое главное. Вариантов может быть сколько угодно, но правильный – только один.

– Ну, вы закончили обсуждать свои дела? – посмотрел на

рамонов Иона.

– Вообще-то это мы ждали, когда ты свои дела закончишь, – ответил Валтор.

– Я готов. – Иона поднял руку и коротко взмахнул двумя пальцами. – Давай диск.

– Ты собираешься просто подойти и положить его на мину?

– Я собираюсь кинуть его так, чтобы он лег на мину.

– А как же гравитационный удар?

– Если этот диск сделан для того, чтобы обезвредить гравитационную мину, он должен каким-то образом нейтрализовать генерируемые ею искажения гравитационного поля. Как – не спрашивай, я этого не знаю. Доедем до Борея-Три – спросишь у Иозефа Кнехта.

– Кто такой Иозеф Кнехт? – поинтересовался Грир.

– Мастер Игры, – ответил Иона.

– Какой игры?

– У нее нет названия.

– А суть в чем?

– Долго объяснять. – Иона снова взмахнул пальцами. – Давай диск, Валтор.

Прей сделал два шага вперед и протянул андроиду диск.

– Мне кажется, или ты на самом деле нервничаешь? – спросил он.

– Андроиды не могут нервничать.

– Обычные не могут. Но ты-то у нас особенный.

– Я тоже андроид.

Иона скинул сковывающий движения дождевик, двинул плечами вверх-вниз и резко махнул из стороны в сторону рукой, в которой у него был диск. Остановив движение, он достал из кармана салфетку из микрофибры и тщательно протер обе плоскости диска. О диск тут же разбивались новые капли дождя, но на них Иона уже не обращал внимания.

Он не стал прицеливаться. Просто завел руку далеко за спину, а затем широким движением повел ее вперед, одновременно пригибая правое колено. Движения его казались странными, не похожими на те, что совершают профессиональные дискболы, стремясь закинуть куда подальше свой снаряд. Но в них присутствовала своя, неповторимая грация, помноженная на силу.

Рука Ионы двигалась по широкой дуге. В строго определенный, тщательно просчитанный момент пальцы андроида разжались и выпустили диск.

Глава 6

Диск летел над самой травой, едва не срубая кончики.

Валтор с Гриром, как завороченные, наблюдали за его полетом. Им казалось, что все происходит в странно замедленном режиме. Как будто они находились в зоне действия временной аномалии.

А Иона как ни в чем не бывало поднял мокрый плащ, накинул его на плечи и сунул руки в карманы, а голову под капюшон.

Оказавшись над тем местом, где обрывался полет брошенных Ионой шариков, диск, как волчок, завертелся с бешеной скоростью. Как будто сам себя пытался опередить. Попадая на него, капли дождя дробились в мелкие брызги и тончайшей сеткой разлетались по сторонам.

– Кстати. – Грир озадаченно коснулся двумя пальцами мокрого небритого подбородка. – Почему капли дождя спокойно падают там, где заложены мины?

– Мины оснащены датчиками массы, – объяснил Иона. – Иначе они срабатывали бы на каждого комара. Вполне возможно, что именно на этом построена работа диска – он каким-то образом сбивает настройку датчика массы.

Не прекращая бешено вращаться вокруг своей оси, диск резко подпрыгнул метра на полтора вверх.

– Ну, все.

Валтор безнадежно махнул рукой, будучи абсолютно уверен, что в следующие несколько секунд диск развалится на куски, которые со свистом улетят в сторону Усопья. А они останутся здесь, по другую сторону кордона. И хоть рядом Усопшие Земли, да не ступить на них даже одной ногой.

Но, ломая установки рамона, диск вдруг резко упал вниз. Сначала на полметра.

Затем – еще на метр.

Еще сантиметров на тридцать.

Диск будто прицеливался, выбирая место для приземления.

И – раз! – шлепнулся на землю.

Секунд двадцать он продолжал вращаться, словно пытаясь зарыться поглубже.

И замер.

Только дождь продолжал дергать за стебли прибитую к земле траву.

– Это все? – спросил Грир.

– Полагаю, что да, – ответил Иона.

– Мы можем пройти в Усопье? – В голосе рамона со звука на звук перепрыгивало плохо скрытое недоверие.

Ну, да, он видел, как диск опустился на землю. Точно в том месте, где находилась гравитационная мина. Но он также видел и то, как щелкали, будто орешки в зубах у щелкунчика, стальные шарики, что кидал Иона. Последнее, надо сказать, выглядело куда более убедительно.

Иона как будто понял, о чем думал рамон.

Он достал из мешочка еще один металлический шарик и протянул его Гриру.

Александр Васильевич с серьезным видом взвесил шарик на ладони, перехватил его тремя пальцами, как следует прицелился, размахнулся и что было сил метнул снаряд в цель.

Шарик пролетел положенное ему расстояние, не встретив никакой преграды, и зарылся в мокрую траву, растущую уже на Усопших Землях.

Грир счастливо улыбнулся и показал Ионе большой палец.

Не зря метнулся он за молодежью. Ох, не зря!

Грир уже ощущал себя не просто старым Александром Гриром, а Великим Александром Гриром – Покорителем Усопших Земель.

– Квад в этот проход впишется? – взглянул на дело с чисто практической точки зрения Валтор.

Иона кинул еще два шарика, слева и справа от того места, где лег диск.

– Запросто.

Валтор цокнул языком.

Если Иона видел местность так, будто тут повсюду были вешки расставлены, то рамон видел лишь березу с раздвоенным стволом и прибитую к земле мокрую траву.

– Я поведу, – сказал Иона.

– А я пойду следом, – добавил Валтор.

Не то чтобы он не доверял Ионе, но воспоминание о том,

как он в прошлый раз влетел в Усопье на кваде, вовсе не разжигало желания повторить тот же самый трюк. В тот раз Валтор ломанулся напрямик чисто по глупости, потому что понятия не имел ни о каких гравитационных минах, установленных на границе с Усопьем. Теперь же он был мудрее. А потому понимал, что лучше выпить литр виски, зажевать его пригоршней таблеток бетанейтрала и три раза стукнуться головой о стену, чем экспериментировать с квадом на границе с Усопшими Землями.

Хамерхаузен тоже решил, видно, что квад везде пройдет и нигде не подведет. Вот и доигрался.

Нет уж, лучше Валтор своими ножками потопает следом за машиной. Точнехонько посередине меж двух следов примятой сильнее обычной травы. Ноги разомнет, а заодно и о жизни подумает... Все равно уже весь мокрый. Плащ защищал от дождя, но вода все равно просачивалась по швам. Либо дождь был слишком уж сильный, либо пошиты плащи были халтурно. Либо и то и другое сразу.

– Ребята! Ребята! – всполошенно замахал руками Грир. Так, что Валтор даже подумал, что он забыл что-то очень нужное в кластере. Или потерял по дороге. – А можно я первый?

– Что первый? – не понял, о чем, собственно, речь, Валтор.

– Ну... – Александр Васильевич сделал жест кистью руки, как будто муху попытался поймать. Только мухи и комары в

дождь не летают. — Я бы хотел первым ступить на Усопшие Земли. — Пауза. — Если вы не возражаете.

— Вперед! — Валтор вытянул руку в приглашающем жесте. — Я там уже был.

Грир будто не услышал последних слов Валтора.

А может быть, они действительно не запечатлелись в его мозгу. Скользнули и улетели прочь подобно легкому шелесту листвы в жаркий день, когда ветер все пытается, да никак не может собраться с силами.

Как бы там ни было, Александр Васильевич бодрой рысцой рванул в сторону березы.

Валтор с тревогой посмотрел на Иону.

Точно ли старик запомнил место, где находился проход? А то ведь, чего доброго, налетит на соседнюю мину.

Иона поднял вверх два пальца — все в порядке. Он контролировал ситуацию — Грир двигался в нужном направлении.

Проходя мимо березы, Александр Васильевич по-приятельски похлопал ее ладонью по белому, мокрому, чуть шероховатому стволу. Он совершенно не чувствовал страха. И это казалось странным даже ему самому. Страх самое естественное чувство, присущее каждому человеку. Тот, кто говорит, что ничего не боится, либо врет, либо на самом деле не испытывает страха. Но тогда он форменный псих.

Грир знал, что такое страх. Очень хорошо знал.

Так почему же сейчас, когда он шагал в неведомое, ему не было страшно?

Старый он стал, что ли?

Но разве годы притупляют чувство страха?

Знавал Грир людей, которые в молодости вообще ничего не боялись. Ну, или, по крайней мере, делали вид, что страх им неведом. А постарев, они превращались в таких же отчаянных трусов.

Почему?

Да кто ж их знает!

Как сказал в свое время один мудрый мужик: «Всему есть свои причины. И не спрашивай, почему я повесился».

– Александр Васильевич!

Услышав окрик, Грир остановился и посмотрел назад.

– Хорош! – махнул ему рукой Валтор. – Ты уже на той стороне!

На губах у Грира появилась чуть смущенная улыбка.

– А я и не заметил.

– Вы с Ионой сегодня на пару слишком уж задумчивые, – усмехнулся Валтор.

Грир посмотрел по сторонам, вздохнул и развел руками:

– Усопье, твердь твою...

Он неуверенно переступил с ноги на ногу.

Ощущение было странное. Вроде ничего особенного не произошло. Он всего лишь прошел с полсотни шагов. Все вокруг было таким же, как и прежде. Но теперь это была чужая земля. Таящая неведомую опасность. Чувство тревоги смешивалось с недоверием, как транквилизатор с психости-

мулятором. Что приводило к весьма необычным эффектам. Грир чувствовал легкое, чуть дурманящее головокружение. Мысли в голове порхали, подобно бабочкам, перелетающим с цветка на цветок. Они были очень красивые, но поймать их голыми руками не представлялось возможным. Мысли-бабочки существовали сами по себе, напрочь позабыв о том, в чьей голове они родились. В траве, то и дело натыкаясь друг на друга, ползали гусеницы-воспоминания. Их было много. Очень много. Так много, что их неумное копошение грозило обратить память в хаос. В коленях возник весьма неприятный зуд вроде того, что появляется, когда нет возможности полностью выпрямить ноги. В желудке будто камень застрял, непонятно как там оказавшийся.

Грир и припомнить не мог, когда в последний раз он чувствовал себя настолько растерянно и неуверенно. Он не мог принять даже самое простое решение – остаться ли стоять на том же самом месте, где его застиг врасплох окрик Валтора, или отойти в сторону? Это было неприятно. Но одновременно и будоражило воображение. Настолько, что мысли-бабочки падали с цветков и обращались в гусениц-воспоминания. А гусеницы выгибали спины коромыслами, и из них вдруг проклевывались разноцветные крылья.

Все это было крайне непривычно и странно.

Подумав немного, Грир решил, что это ему нравится.

Грир наклонил голову, и из складок капюшона полились струи воды.

Рамон подставил руку, набрал пригоршню воды и плеснул себе в лицо.

Действие сие носило чисто символическое значение, поскольку лицо и без того было мокрым. Но, совершив его, Грир почувствовал себя как прежде. Как и подобает чувствовать себя рамону, решившему махнуть в Усопшие Земли.

Иона сел за руль, завел мотор и медленно повел квад вперед.

Андроид точно знал, где находится проход, и мог бы проскочить кордон на максимальной скорости. Но это вызвало бы недовольство, а то и панику у наблюдавших за ним людей. Без всякого на то основания люди полагали, что чем медленнее протекает любой процесс, тем он безопаснее. И называли это жизненным опытом.

Диск, будто вдавленный в землю, лег точно между колес клада.

Валтор, шедший по его следам, остановился.

У него возникло острое желание наклониться и поднять диск.

Ну, или хотя бы скovyрнуть его носком ботинка.

Но чем это могло закончиться?

Его разорвет на куски?

Или расплющит о землю?

«Избежать смерти труднее, чем найти ее», – гласит Второе правило крови.

Сейчас смерть лежала у него под ногами.

Валтор усмехнулся и аккуратно переступил через диск.

Иона остановил машину, заглушил мотор и снова вышел под дождь.

– Хочешь забрать диск? – спросил его Валтор.

Андроид молча кивнул.

– А может, оставить его? – предложил Грир. – Место тут приметное, – указал он на березу с раздвоенным стволом. – Вернемся назад этим же путем.

По сути, старый рамон был прав. Дверь из Треугольника Кластеров в Усопшие Земли можно было оставить открытой. Но Иона точно знал, что так поступать нельзя. Он не мог сказать, почему диск следует убрать, но был абсолютно уверен, что оставить его на месте было бы неправильно. Все равно как устроить пикник на обочине, вволю повеселиться и уйти, оставив после себя объедки и мусор.

Иона остановился на безопасном расстоянии от минного заграждения.

– Что ты собираешься делать? – спросил Валтор.

– Не знаю, – честно признался Иона.

Он поднял правую руку и вытянул ее вперед, как будто старался дотянуться до лежащего на земле диска.

Диск едва заметно качнулся с боку на бок.

Дернулся, повернулся на четверть оборота и снова вернулся в исходное положение.

– Как ты это делаешь?

– Не знаю.

Взгляд Валтора был прикован к диску. Рамон ждал, что же произойдет дальше, и боялся пропустить ключевой момент. Но, услышав ответ Ионы на свой вопрос, он с тревогой посмотрел на андроида.

Дело было не в словах, а в том, каким тоном они были произнесены. Иона никогда еще не говорил таким тусклым и невыразительным голосом, как теперь.

Лицо андроида было похоже на пластиковую маску.

– Иона...

Не обращая внимания на Валтора, андроид попытался снова поднять правую руку.

Но внезапно черты лица его исказила гримаса боли.

Иона вскрикнул и ухватился левой рукой за бицепс правой.

Правая нога его подломилась, и он упал на одно колено.

– Иона! – Валтор обхватил андроида за плечи. – Что с тобой?..

– Кажется... я...

Не закончив фразу, андроид уронил голову.

– Иона! – тряхнул его за плечи Валтор. – Что я должен сделать?

– Что с ним? – с тревогой спросил подбежавший Грир.

– Он умирает, – ответил Валтор.

Глава 7

Иона открыл глаза.

Он лежал на спине. Над ним был натянут темно-зеленый, местами выгоревший до желтоватого оттенка брезент.

Иона оперся на локоть и попытался подняться.

– Лежи! Не дергайся! – положил руку ему на грудь Грир.

– Со мной все в порядке, – сказал Иона.

– Ага, – криво усмехнулся рамон. – Ты чуть не помер у нас на руках. Ты это называешь «в порядке»?

– Да.

Иона отвел руку Грира в сторону и сел.

Он находился на заднем сиденье квада.

За рулем сидел Валтор. Рядом с ним – Грир.

Оба смотрели на андроида с таким удивленно-растерянным видом, будто ждали, что он сей момент обратится в птицу и выпорхнет в окно.

– Я в порядке, – еще раз повторил Иона.

Про себя андроид отметил, что капли дождя больше не стучали по тенту. Но просохнуть тент еще не успел.

– Как долго я... ну...

– Был в отключке, – подсказал Грир.

– Да, – согласился Иона.

– Три с половиной часа.

Иона посмотрел в окно.

– Мы все там же, – подтвердил его опасения Валтор.

– Глупо, – едва слышно произнес Иона и провел ладонью по лицу, будто снимая налипшую паутину. – Невообразимо глупо.

– Такое с каждым может случиться, – ободряюще буркнул Грир.

– С каждым? – Иона посмотрел на него так, будто не понял, что он сказал.

– Валтор мне все рассказал, – кивнул на Прея Грир.

– А, вот оно как, – нервно дернул подбородком Иона. – И что теперь?

– Держи, – Валтор протянул Ионе диск.

– Ты забрал его?

Валтор молча пожал плечами – мол, чего спрашивать, ясное дело, забрал.

– Как?

– Сделал как ты: встал и протянул руку. Диск сам в ладонь прыгнул. Все пальцы отшиб.

Иона просунул три пальца в отверстия на диске, перевернул его и посмотрел на тыльную сторону так, словно это было зеркало, в котором он видел свое отражение.

– Я не понимаю, как это работает? – удрученно произнес он.

– К тинкеру лысому. – Грир отобрал у Ионы диск, мягко, но настойчиво, как забирают игрушку у расшалившегося малыша. – Что с тобой теперь делать?

– Со мной все в порядке, – улыбнулся Иона. Широко, открыто, но совсем не искренне.

– Ага, – в тон ему кивнул Грир. – Мы с Валтором видели, как ты чуть не окочурился.

– Это была всего лишь судорога.

– Я знаю, что такое судорога, парень. И это была совсем не она. – Грир убежденно мотнул головой из стороны в сторону. – Ну, то есть абсолютно. Ты серьезно болен, Иона.

– Так и есть, – не стал больше спорить Иона. – И эта болезнь неизлечима.

– И тебе осталось только пять дней?

– Вроде того.

Грир снова покачал головой, не то с укоризной, не то с осуждением. Но ни скорби, ни жалости в этом его жесте не было, это уж точно.

– И кто это сказал?

– Мой инженер.

– Он знает все на свете?

– Он знает, как устроены андроиды.

– А может, стоило сходить к обычному доктору?

Иона чуть подался вперед и понизил голос:

– Я машина, Александр Васильевич. А у каждой машины имеется свой срок годности.

– Ну, у человека он вроде как тоже имеется.

– Не совсем так. Люди не знают, когда наступит их конец.

– Ну, это когда как, – возразил Грир. – Вот, помнится, лет

двадцать тому назад собрались мы как-то раз с Крестовским проехать по нашему обычному маршруту, так, чтобы дней за десять пройти по трем фермам реднеков и заодно лагерь верпов посетить...

– Заканчивайте с этой бодягой! – нервно дернул рукой Валтор. – Мы, между прочим, уже в Усопье! В Усопших, стать вашу, Землях!

– Ты чего раздухарился? – удивленно посмотрел на Валтора Грир.

– По дороге поговорить можно? – вопросом на вопрос ответил Валтор.

– Да без проблем, – едва заметно повел плечом Грир. – Куда едем?

– Прямо, – указал вперед Валтор.

– Я понимаю. Куда конкретно мы направляемся? У нас ведь есть какая-то цель?

– Поселок скарабеев. Но по пути нам надо заскочить еще в пару мест.

– Я поведу, – привстал со своего места Иона.

– Нет, – сказал как отрубил Валтор.

– Я лучше знаю дорогу.

– С чего вдруг?

– У меня фотографическая память. Я помню каждое дерево, мимо которого мы проезжали в прошлый раз.

– Отлично. Будешь штурманом.

Валтор нажал педаль газа, средним пальцем правой руки

переключил скорость на рулевой коробке и не спеша повел квад в сторону леса, возвышающегося у них на пути подобно частоколу, перекрывшему путь вперед.

Дождь перестал поливать землю. Но небо все еще было затянуто похожей на клочья пакли серой хмарью, из которой в любой момент могла снова хлынуть вода.

– Я сделаю это лучше и быстрее. – В голосе Ионы явственно звучала укоризна и не столь откровенно – обида.

– А что, если тебя снова... Ну, в смысле, судорога.

– Я успею нажать на тормоз.

– Не уверен.

Андроид сжал руки в кулаки. Затем медленно распрямил пальцы.

Он пытался побороть в себе гнев. Хотя прежде даже не подозревал, что способен на столь сильные чувства. Когда он говорил Валтору, что ненавидит всех людей и не моргнув глазом готов убить любого, а то и нескольких, это была истинная правда. Но это была не ненависть как таковая, а хорошо обдуманное, рассудочное решение. Люди относились к андроидам с пренебрежением, как к предметам домашнего обихода. Которые, если они вдруг сломаются, можно просто выкинуть, чтобы заменить на новые. Кто станет переживать из-за сломавшегося планшета? Для людей андроиды ничего не значили. Следовательно, андроиды имели ответное право относиться к людям с точно таким же пренебрежением. Или даже больше – ненавидеть их. Поскольку именно люди, а не

андроиды, ввели существующую между ними по сей день систему вопиющего неравенства.

Это была тщательно продуманная и всесторонне вымеренная линия поведения. Или, если угодно, осознанный выбор.

Но сейчас Иона чувствовал гнев, который ему с трудом удавалось удержать под контролем разума. Он был по-настоящему зол на Валтора за то, что тот не желал пускать его за руль квада. И это несмотря на то, что разумом Иона понимал, что со своей точки зрения Валтор прав. Никто, включая самого Иону, не знал, насколько сильным мог оказаться следующий приступ, корежащий его идущий вразнос организм. Он на самом деле мог не справиться с управлением. И тогда...

Валтор был прав. Но Иона был зол.

И он не понимал, откуда взялось это чувство. Почему в его сознании вдруг прорезались и эмоции? Которых прежде не было.

Или же он их просто не замечал?

Не замечал, потому что они были ему не нужны?

Но, рухнувшие небеса, что изменилось теперь?

Что-что, а проанализировать ситуацию для Ионы не составляло труда. Это оказалось делом нескольких секунд.

Вывод, к которому пришел андроид, привел его самого в недоумение.

Оказывается, все дело было в том, что он впервые по-

настоящему осознал тот факт, что он смертен. И после его смерти уже не будет второго такого живого существа, как Иона Пурпур.

Следовательно, он уникален и неповторим.

Он – не набор алгоритмов и не информация, составляющая его почти необъятную базу памяти.

Он – личность.

Глава 8

Под пологом леса было сухо, как будто никакого дождя и в помине не было.

Валтор не торопился. Он вел машину спокойно и уверенно. Между стволов, в объезд больших куп кустов, стараясь не заезжать во встречающиеся на пути рытвины и овражки.

Спустя какое-то время рамоны остановились и сняли с машины тент.

Без тента обзор сделался круговым, что было отнюдь не лишне. Место, в котором они оказались, являлось, по общему убеждению, несколько беспокойным. Да и пулемет, расчехленный и установленный на турели, был готов к тому, чтобы дать должный отпор особо наглым и беспринципным тварям. Которые, будто чуя исходящую от рычащего и смердящего выхлопами квада опасность, предпочитали держаться подальше. Ну, или просто не показывались на глаза.

Александр Васильевич поглаживал стальной бок пулемета ладонью, успокаивающе, как преданного пса, только и ждущего момента, чтобы защитить от кого-нибудь своего обожаемого хозяина. Поглаживал и нудно гундел насчет того, что, мол, никакое это не Усопье. А ежели и Усопье, то какое-то неправильное. А неправильное оно потому, что совершенно не похоже на то, каким должно быть Усопье в представлении Александра Грира.

Каким представлялось Усопье Александру Гриру?

Валтор об этом знать не хотел.

А Иона был слишком занят собственными мыслями.

Старому рамону только и оставалось, что делиться мыслями с пулеметом. Который хотя не отвечал, зато и не перебивал глупыми вопросами.

А что еще старику нужно? Поговорить по душам.

– Понимаешь, приятель, я не затем сюда прикатил, чтобы на елки да березы глядеть. На кой мне они, елки и березы? Я этого добра и по ту сторону кордона насмотрелся. Если махнуть на север от Джербы, там леса не хуже, чем здесь. Можешь мне поверить, у нас с Крестовским там свои дорожки-тропинки наведены были. Что рамонам делать в лесу? Разумеется, реднеки в лесу не живут – им там делать нечего...

– Александр Васильевич, – перебил Грира Валтор. – Ты извини, но, по-моему, это ненормально.

– Что именно?

– То, что ты с пулеметом разговариваешь.

– И что с того?

– Опасаюсь я.

– Чего?

– Ну... Мало ли... Может, ты учудишь чего?..

Грир усмехнулся и потер пальцами широкий морщинистый лоб.

– Не волнуйся, со мной все в порядке. Это я так, со скуки. Едем вроде как по Усопью, а ничего не происходит.

– Ну, так это же хорошо, что все тихо.

– Так-то оно так, – не мог не согласиться Грир. – Однако ж, с другой стороны, все же хотелось бы увидеть что-нибудь эдакое. В смысле необычное. Иначе о чем я потом, то есть после возвращения, рассказывать стану?

– Не бойсь, Александр Васильевич, будет что рассказать, – ответственно пообещал Валтор.

– Очень на это надеюсь, – ответил Грир.

– Только ты, знаешь что, Александр Васильевич, кончай с пулеметом разговаривать. А то мне от этого не по себе делается.

– Уж больно ты нежен, как я погляжу, – усмехнулся Грир.

– Ну, уж каков есть, – не стал спорить Валтор.

Гриру он ничего объяснять не стал. Но сам-то он знал, что Усопье может по-разному на людей действовать. Порой очень странно. И тут уж было необходимо изо всех сил сохранять здравомыслие. Довольно было только раз дать слабину, чтобы сорваться в полный неадекват. Именно потому, что все необычное здесь казалось обыденным, Усопье требовало не столько осторожности, сколько деликатности и внимания. Ни в коем случае нельзя было забывать о том, где ты находишься. Все вокруг менялось так же легко и быстро, как погода в октябре. Причем далеко не всегда изменения эти были к лучшему. Это Валтор уяснил еще в прошлый свой визит в Усопшие Земли. Не расслабляйся – вот самый дельный совет, который можно было дать тому, кто решился воочию

убедиться в том, что Усопье — это не просто другой мир, а иное понимание жизни. Иная философия, если угодно.

Это было трудно объяснить словами. Вот, к примеру, те, кто создал подаренный Ионе диск, руководствовались вовсе не принципом целесообразности, а какими-то совершенно иными представлениями. Это была своего рода импровизация, объединяющая тяжеловесность точных наук и нематериальную легкость мечты. Причем в основе всего здесь была заложена именно мечта. Обезвреживающий гравитационные мины механизм, работы которого не мог понять даже Иона, мог быть сделан только в Усопье. А не мог он его понять вовсе не потому, что механизм был слишком уж сложен, а потому, что никакого механизма, по сути-то, и не было!

Валтор осторожно скосил взгляд на сидевшего рядом с ним Иону.

Андроид сидел, плотно сведя колени. Правая рука его лежала на бедре. Левая была вытянута вперед, пальцы прижаты к краю приборной панели. Спина у андроида была прямая и ровная, как доска. Взгляд упирался в лобовое стекло квада, как будто оно было абсолютно черное, непрозрачное. Лицо не казалось безжизненным, но на нем отсутствовали даже намеки на какие-то эмоции.

Валтор все еще не мог привыкнуть к мысли о том, что дни Ионы сочтены. Не говоря уже о том, чтобы смириться с этим. Вот он, сидит рядом, вполне себе живой. Здоровый и бодрый. И что могло помешать ему и впредь оставаться та-

ким? Какие-то конструктивные недоработки? Или программа самоуничтожения, намеренно заложенная создателями?

Все это казалось неправдоподобно диким.

Почему человек или андроид должен вдруг умереть? Кто решает, что его срок вышел?

«Все когда-то умрут. Поэтому – не торопись» – гласит Первое правило крови.

«Избежать смерти труднее, чем найти ее» – вторит ему Второе.

Третьего правила Валтор не знал.

Кто придумал их, эти правила?

Валтор снова осторожно покосился на Иону.

Андроид сидел все в той же неестественно напряженной позе. Казалось, он даже пальцем не шевельнул.

Глупо было бы даже пытаться представить, что творилось сейчас у него в душе.

Так думал Валтор.

Однако если бы рамон смог узнать, о чем сейчас думал андроид, хотя бы в самых общих чертах, он был бы крайне удивлен. Удивлен настолько, что, пожалуй, незамедлительно принялся бы пересматривать свои основополагающие жизненные принципы. Поскольку жить вообще без принципов ну никак нельзя. А вот пересматривать их время от времени очень даже полезно.

– Александр Васильевич, – обратился Валтор к Гриру. – Ты как полагаешь, можно жить без принципов?

– Можно, – ни секунды не колеблясь, ответил Грир.

– Да ладно? – недоверчиво посмотрел на него в зеркало заднего вида Валтор.

– А зачем они тебе нужны, ну, принципы эти? – спросил старик.

Валтор не сразу нашел что ответить.

– Ну... Для порядка.

– Для какого еще порядка? – усмехнулся Грир. – Порядок бывает только в колумбарии. А жизнь, она, знаешь ли, сплошной хаос и неразбериха. Тут не в принципы упираться нужно, а балансировать, как на канате над пропастью – только чтобы не свалиться.

– Это точно, – согласился Иона.

При этом даже губы его не шевельнулись.

Глава 9

Хамерхаузен проснулся от мерзкого, отвратительного ощущения промозглой зябкости, пробирающей до самых костей. Казалось, все тело сотрясает мелкая дрожь. При этом каждая самая маленькая мышца дергалась сама по себе, никак не синхронизируя свои периоды сжатия и расслабления с остальной мускулатурой. Зубы стучали с такой силой, что, пожалуй, им пора уже было начать крошиться.

Виир лежал на боку, под кустом, на мокрой траве, скорчившись, поджав ноги, прижав подбородок к груди и обхватив себя за плечи руками. Тело само инстинктивно приняло такое положение как наиболее теплосберегающее. Но этого было мало для того, чтобы сохранить тепло, когда вся одежда была пропитана влагой, а температура воздуха не превышала тринадцати градусов.

Нужно было как-то согреться.

Единственное, что Виир мог для этого сделать, – это поджаться на ноги и начать двигаться.

Но, попытавшись выпрямить ноги и спину, Хамерхаузен почувствовал, что сзади ему что-то мешает.

С трудом повернув затекшую шею, рамон увидел грязные, слипшиеся рыжие волосы.

Ну, разумеется, как он мог забыть!

Со спины к нему прижималась его рыжеволосая спутни-

ца. Именно поэтому спина замерзла не так сильно, как все остальные части тела. Да еще и руку свою Регина просунула под локоть Хамерхаузена и обхватила рамона поперек груди, как будто опасалась, что он убежит.

Обреченно вздохнув, Хамерхаузен приподнял локоть и осторожно убрал руку Регины.

Только сейчас он сообразил, что его собственная рука, укушенная ночью какой-то тварью и потерявшая после этого чувствительность, теперь в полном порядке. Хамерхаузен сжал пальцы в кулак. Затем раскинул их в стороны, наслаждаясь приятным чувством обладания собственным телом.

Перекатившись на грудь, а затем и на другой бок, Виир ненадолго замер, засмотревшись на спящую девушку. Лицо у нее было грязное, волосы склеила засохшая слизь. Но, несмотря на это, было в ее облике что-то необычайно трогательное, из-за чего хотелось смотреть на нее, не отводя взгляда.

Должно быть, так выглядит любой спящий человек, решил Хамерхаузен. И, более не медля, быстро поднялся на ноги.

Мир вокруг исчез, утонув в молочно-белом, закручивающемся мелкими завитками, подобно тонкому овечьему руно, тумане. В четырех шагах вообще ничего невозможно было разглядеть. А рядом с собой Хамерхаузен видел только уродливый, будто прихлопнутый к земле куст с мелкими бледно-зелеными листиками и лежащую на примятой траве Ре-

гину.

Хамерхаузен сделал шаг в сторону, присел на корточки и помахал ладонью над самой землей, разгоняя туман, который внизу был особенно густой и плотный.

То, что он увидел, рамону очень не понравилось.

У ног его стояла вода. Неподвижная и темная, как черный агат.

Ночью, счастливо разминувшись с загадочным существом, помеченным красным, светящимся в темноте крестом – Регина упорно называла его зомби, но Хамерхаузен сомневался в ее правоте, – они продолжили свой путь во тьме. И шли до тех пор, пока не почувствовали, что под ногами у них вода, которая уже заливается в ботинки. Именно в этот момент Хамерхаузен решил, что идти дальше не имеет смысла. Да к тому же еще и опасно. Кто знает, где они находились, на берегу реки, озера или в центре болота? И какие твари водились в этом болоте? Решив не рисковать понапрасну, они выбрали местечко посуше и улеглись спать. Просто так, на земле. Других вариантов не было.

Регина какое-то время еще ворочалась во сне, а Хамерхаузен заснул моментально, едва только щека его коснулась мокрой травы. Что и говорить, денек выдался на редкость утомительный. Сил и нервов было потрачено столько, что другому хватило бы на год. А то и на полтора, если особо не торопиться. Это ведь только рамоны вечно куда-то спешат – катят на своих квадах с востока на запад и с юга на север,

как будто надеются, что их даже смерть не догонит.

Чтобы согреться, Хамерхаузен сделал несколько резких движений руками. Но это не особенно помогло – влажная одежда не удерживала тепло. Ощущение пустоты в животе также не способствовало духоподъемности.

Что ж, хорошие времена начнутся, когда они снова окажутся среди своих. Для этого нужно было не тянуть время попусту, а поскорее возвращаться к тому месту, где сгорел их квад. Наверняка ребята уже ищут способ, как помочь им выбраться из этого проклятого Усопья.

Хамерхаузен подошел к все еще спящей девушке и осторожно потрогал ее за плечо.

– Регина...

Рыжая тут же проснулась, быстро села, провела одной рукой по лицу, а затем обеими – по волосам.

– Сколько?

– Что – сколько? – растерялся Хамерхаузен.

– Сколько времени?

Рамон посмотрел на часы:

– Без пятнадцати восемь.

– Хорошо.

Регина сдернула с правой руки гловлетту и запустила растопыренную пятерню в волосы, рассчитывая таким образом хоть немного привести в порядок прическу. Но пальцы накрепко застряли в слипшихся волосах.

– Что с моими волосами? – болезненно скривилась Реги-

на.

Чем вновь повергла Хамерхаузена в смятение.

– Ничего особенного, – соврал он почти без зазрения совести. – Спутались немного во сне.

Регина дернула застрявшую в волосах руку.

– Немного?

– Самую малость.

– Ты считаешь меня идиоткой?

– Нет. – На этот раз Хамерхаузен был абсолютно искренен.

– Ну, и что мне теперь делать? – в отчаянии всплеснула свободной рукой рыжая.

На этот вопрос у Хамерхаузена ответа не было. Он вообще понятия не имел, как подходить к такого рода проблемам. Поэтому он попытался вернуть разговор в более удобное для него русло.

– Нам пора возвращаться, – сказал Хамерхаузен.

Регина посмотрела на него так, будто именно он был виновником всех ее бед, начиная с проваленной контрольной по математике в третьем классе.

– В таком виде?

Рамон почувствовал злость на эту пустую, бесчувственную девушку.

– Пожалуйста! – Он взмахнул рукой, как будто указывая на некий вполне материальный объект. – Можешь умыться, принять душ, почистить зубы, вымыть волосы, сделать ма-

кияж... Что там у вас еще принято делать по утрам?

– У вас – это у кого? – осведомилась Регина.

– У вас – это у баб, – ответил Хамерхаузен.

– О как! – Брови девицы взлетели к середине лба.

– Да вот так. И имей в виду: бабе никогда не стать рамоном!

Лицо Регины полыхнуло гневом. Но голос ее стал холодным, как вода на самом дне лесного озера.

– Отвернись.

– Что? – растерялся Хамерхаузен. – Зачем?

Регина вытащила руку из спутанных волос и рывком поднялась на ноги.

– У нас, у баб, по утрам принято облегчаться. Вы, рамоны, должно быть, вообще никогда этого не делаете.

Хамерхаузен стиснул зубы – он снова угодил впросак. Сказать ему было нечего, поэтому он молча крутанулся на каблуках.

«Ничего, ничего, – твердил он про себя. – Осталось недолго». Как только они выберутся из Усопья, он сядет в квад Рыжего Праттера и обо всем забудет. И больше даже не взглянет в сторону этой ядовитой бабы. Пускай эти идиоты из Войвода, позволяющие бабам ездить вместе с ними в пампу, сами с ней разбираются. А Виир Хамерхаузен даже имя ее забудет. Как там, бишь, ее зовут?.. Раиса?.. Мелиса?..

– Я готова!

Хамерхаузен медленно, с демонстративной неохотой,

обернулся.

Регина успела сделать не только то, про что говорила. Она еще умылась и волосы как-то умудрилась расчесать. Не идеально, но почти восстановив первоначальную форму прически. Она смотрела на Хамерхаузена, улыбаясь, словно ждала одобрения. Как будто и не было между ними никакой ссоры.

– Ну, в общем, нормально, – кивнул рамон.

– И все? – удивленно вскинула брови Регина.

Хамерхаузен прикусил губу. Довольно-таки больно прикусил.

– А что еще?

– Ладно, – снисходительно махнула рукой Регина. – Проехали.

Хамерхаузен хотел было сказать, что ничего подобного. Ничего, мол, они не проехали. Что он сказал именно то, что хотел сказать. То, что следовало сказать в данной ситуации. И никто не вправе требовать от него большего. Потому что...

Его мысли прервал раздавшийся внезапно вой.

Протяжный, густой, он плыл над покрытой туманом водой, не затихая, а будто растворяясь в ней.

Хамерхаузен понятия не имел, что за зверь мог издавать подобные звуки. Но и без того кровь стыла в жилах при одной только мысли о том, что тварь эта находится где-то неподалеку. И, быть может, чует запах твоего страха, который представляется ей восторженно-аппетитным.

Регина быстро присела на корточки. Как будто боялась,

что ее могут увидеть.

– Кто это? – спросила она полупшепотом.

Хамерхаузен молча глаза закатил – зачем задавать вопросы, на которые не существует ответов?

– Давай уйдем отсюда, – предложил он.

– Давай, – не раздумывая, согласилась Регина.

Ей не нравился этот клочок суши, затерявшийся где-то в тумане, вокруг которого бродят неведомые звери с очень неприятными голосами.

Порыв ветра ненадолго отогнал в сторону клубящийся над водой туман. Черная, будто лаком покрытая гладь воды была неподвижна, как крышка рояля. И вдруг по воде пробежали три небольших волны. Одна словно старалась догнать другую. Хамерхаузен не увидел, а странным, необъяснимым образом почувствовал, как в глубине скользнуло какое-то большое змееобразное тело.

Рамону сделалось не по себе.

Быстро глянув по сторонам, он приметил неподалеку куст с прямыми ветками в два пальца толщиной и высотой в рост человека. Ветки были покрыты красноватыми листьями необычной формы, похожими на две сведенные вместе лестницы. Кое-где между листьями висели грозди крупных, темно-фиолетовых ягод.

Сломав одну из веток у основания, Хамерхаузен дважды пропустил ее через сжатый кулак, чтобы очистить от листьев и плодов.

– Ты что задумал? – с подозрением посмотрела на него Регина.

Хамерхаузен ничего не ответил. Пусть сама догадается. Или перестанет корчить из себя бывшего рамона, которому любая лужа по щиколотку.

Подойдя к берегу, Хамерхаузен опустил палку в воду. Палка погрузилась сантиметров на пятьдесят, прежде чем уперлась в дно.

Виир отошел на несколько шагов в сторону и снова сунул палку в воду. Здесь глубина составляла что-то около семи-десяти сантиметров.

Хамерхаузен многозначительно посмотрел на Регину.

Будто оправдываясь в чем-то, рыжая развела руки в стороны.

– Как мы вчера тут оказались? – спросил Хамерхаузен.

Вопрос, разумеется, был риторическим. Но Регина на него ответила:

– Не знаю. Темно было. Но уж точно не по колено в воде.

Хамерхаузен это и сам помнил. На последнем отрезке ночного пути, перед тем как они приняли решение остановиться, под ногами что-то хлюпало. Но это скорее была жидкая грязь, нежели вода. Пару раз вода заливалась ему в ботинки. Но не более того.

– А с какой стороны мы пришли? – задал новый вопрос Хамерхаузен.

– Сам не помнишь? – вопросом на вопрос ответила Реги-

на.

Хамерхаузен почесал пальцем висок. Рамону страшно не хотелось в этом признаваться, но он чувствовал себя потерявшимся в пространстве. Прежде с ним такого никогда не случалось. Но здесь, в этом, твердь его, Усопье, все было не так. В смысле, неправильно. Ночью на небе не было видно ни звезд, ни луны. Сейчас не видно солнца. Невозможно было даже примерно определить его местоположение. Туман, что ли, был настолько густой? Или солнце сегодня вообще не вошло?

Откуда же тогда шел свет?

Бред полнейший!

Но бред не бред, а Хамерхаузен чувствовал себя будто в сурдокамере – отрезанным от всех источников информации. Даже ветер если и дул, то как будто сразу со всех сторон.

Хамерхаузен шел вдоль кромки воды и время от времени опускал палку в воду. Самая меньшая глубина, какую ему удалось намерить, составляла тридцать сантиметров.

– Эй!

Он едва не налетел на Регину.

– Кончай ходить за мной, – мрачно буркнул Хамерхаузен. – Делом займись.

Каким именно делом ей следовало заняться, он понятия не имел. Однако твердо знал, что, пока мужчина занят своим делом, женщина тоже должна чем-то заниматься. У нее всегда должно быть что-то, чем следует заняться, чтобы не

тратить время попусту.

– Ты обошел остров по кругу, – с усмешкой сообщила Регина.

Ладно, пусть так. Но над чем, спрашивается, она смеялась? Над тем, что они оказались в ловушке?

– Мы не могли прийти сюда по воде. – Хамерхаузен стиснул зубы.

Ситуация была настолько невыносимо глупая, что выводила его из себя.

– Зато вода могла прийти сюда после нас. – Регина плавно повела рукой от себя в сторону, видимо, изображая, как именно произошло то, о чем она говорила.

– Приливы бывают на море, – уверенно заявил Хамерхаузен. – Может быть, на озерах, – добавил он чуть менее уверенно. – Но уж точно не на болоте.

– А кто говорит о приливе? Вода могла просто сначала уйти, а затем – вернуться.

– Куда?

– Ты еще спроси зачем.

Хамерхаузену не хотелось спорить с Региной. Совсем не хотелось. К тому же то, что она говорила, было единственным разумным объяснением того, что произошло.

– Значит, к вечеру вода снова уйдет?

– Не факт. Ритм колебаний ее уровня не обязательно должен быть суточным...

В двух метрах от того места, где они стояли, из воды

взметнулось толстое, масляно блестящее щупальце. Описав замысловатую петлю, щупальце, будто плетъ, хлестнуло по воде, взметнув фонтаны брызг.

– Как тебе? – усмехнувшись, посмотрела на Хамерхаузена Регина.

Виир молча пожал плечами. Дурацкий вопрос. Что она рассчитывала услышать в ответ? «Ах! Это просто потрясающе!»?

– Мы не можем ждать даже до вечера. Нам нужно как можно скорее добраться до того места...

– Слушай, кончай рассказывать про то, что нам нужно, – недовольно поморщилась Регина. – С этим-то как раз все понятно. Лучше скажи, как нам это сделать?

Хамерхаузену пришлось совершить над собой усилие, чтобы не сорваться на крик. Устраивать разборки по любому поводу сейчас – последнее дело.

– Я пытаюсь спокойно во всем разобраться. Для этого мне нужно сначала обозначить ситуацию... Расставить все по полочкам...

– А после ты проведешь нас по воде аки посуху?

Хамерхаузен поморщился недовольно. Ему не хотелось отвечать на этот дурацкий вопрос. Зачем? Только ради того, чтобы затеять новую перепалку? Ему это надо?..

– Почему ты молчишь?

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Как мы будем отсюда выбираться?

– Точно так же, как пришли.

– То есть?..

– Пойдем вброд. В той стороне, – Виир указал направление палкой, – глубина всего сантиметров тридцать.

Регина чуть откинулась назад и тряхнула рыжими волосами. Сделала она это только для того, чтобы слова, которые она собиралась произнести, прозвучали более выразительно.

– Ты сам-то понял, что сказал?

Виир снова ничего не ответил. Он понял, что в общении с Региной молчание – наилучшая тактика.

– Ты видел тех тварей, что плещутся в воде?

Не глядя на Регину, Хамерхаузен взмахом палки сбил бледно-голубую корзинку соцветий с росшего неподалеку куста.

– Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

Хамерхаузен положил палку на плечо.

– Нет.

Регина даже не пыталась скрыть, что удивлена.

– Почему?

– Потому что ты ничего дельного не говоришь.

– Ах, так, значит? – Выставив ногу вперед, Регина приняла героическую позу. – Ну, хорошо, слушай по делу. Допустим, здесь везде неглубоко и мы сможем добраться до суши, идя по колено, ну, или по пояс в воде. Допустим, нас не сожрут твари, что плавают вокруг. Предположим, ты разгонишь их, размахивая своей палкой. Что дальше? Ты можешь

указать направление, откуда мы пришли и куда нам следует вернуться?

Хамерхаузен молчал. У него не было ответа на этот вопрос. Усопье запутало их, дезориентировало, сбilo с пути. Но он точно знал, первое: они правильно сделали, что покинули место, где лежал разбитый квад. Останься они там, ими бы уже кто-нибудь закусил. Претендентов было много.

Да, стать твою!

Что бы ни случилось в дальнейшем, сейчас они были живы. И это уже хорошо.

Второе: что бы там ни было, они должны были вернуться к месту, откуда все началось. И как можно быстрее. Ребята не станут ждать целую вечность. Скорее всего, они и день ждать не станут. Не увидят никого живых, решат, что все погибли, и двинутся дальше.

То есть, по сути, все было очень просто. Либо они выберутся с этого острова и доберутся до прошитого гравитационными минами кордона, либо останутся здесь навсегда. Хотя «навсегда», по меркам Усопия, скорее всего, означало – «ненадолго».

Вновь раздался вой. Такой же протяжный и мрачный, скользящий по воде, словно лезвие. Царапающий кожу тысячами ледяных иголок. Это был не просто жуткий, пугающий звук, а концентрированный ужас.

Регина обхватила себя руками за плечи и поежилась, как от холода. Взгляд ее метнулся из стороны в сторону. Стоя на

открытом месте среди скрывающего все вокруг туманного марева, она чувствовала себя как в ловушке. Дверца захлопнулась, замочек щелкнул. Выбраться невозможно. Остается только ждать, когда явится тот, кто все это задумал и осуществил.

– Виир, – тихо позвала своего спутника Регина, – мне это не нравится.

Глава 10

Перевалив через невысокий, но крутой пригорок, квад покати́л вниз, упруго качну́лся на рытвине, будто лодка на волне, и выехал на дорогу.

Уложенные двумя рядами бетонные плиты за многие годы вросли в землю. Только местами виднелись их выщербленные углы, ощерившиеся обломками проржавевшей насквозь арматуры, уже не таящей никакой опасности для колес.

Дождь здесь, похоже, был не такой сильный, как за кордоном. По промоинам вдоль дороги не бежали ручьи, в рытвинах не стояли лужи. Плотнo утрамбованная земля под колесами была только влажной, но не раскисшей.

Слева от дороги стеной стоял лес. Справа поднимался вверх на трехметровую высоту поросший репейником и хреном крутой, почти отвесный склон.

– Что-то я не вижу никакой разницы, – все еще недовольно ворчал Александр Грир. – Что здесь, что там – все одно и то же. Знаете, парни, сколько я таких дорог исколесил?

– Такой дороги ты, Александр Васильевич, еще никогда не видел, – усмехнулся сидевший за рулем Валтор.

– И что же в ней такого особенного, в дороге этой? – пренебрежительно фыркнул Грир.

– Во-первых, ты не знаешь, куда она тебя приведет.

– Это можно сказать про любую дорогу, по которой пер-

вый раз едешь.

– Э, нет. Даже если ты едешь по дороге первый раз, все равно знаешь, куда направляешься. Знаешь, сколько примерно времени пробудешь в пути. И уж точно знаешь, чем займешься, когда прибудешь на место.

– Хочешь сказать, мы не знаем, куда едем?

– Куда едем, мы-то знаем. Мы не знаем, куда именно приедем. Не знаем, сколько времени займет этот путь. И уж точно понятия не имеем, кого встретим по пути.

– А, брось, – пренебрежительно махнул рукой Грир. – Это всё слова. Слова, слова, слова...

Прей спорить не стал. Но поджал губы в полуулыбке, давая тем самым понять, что скоро у Грира будет возможность самому убедиться в том, что он ошибался, а прав был Валтор.

– Ну, а во-вторых? – спросил Грир.

– Во-вторых? – удивленно переспросил Валтор.

– Ты начал с того, что сказал «во-первых». Это значит, что должно быть еще хотя бы «во-вторых».

– Логично, – кивнул Валтор.

И озадаченно прикусил губу.

Признаться, он и сам забыл, что там у него было во-вторых. Что-то ведь определено было. Просто не могло не быть. Вот только что именно?

Дорога вильнула вправо. И взглядам едущих по ней открылся новый ее участок, прежде скрытый возвышенностью.

Поначалу людям показалось, что с противоположного конца дороги навстречу им катится большой серый ком. Однако, приглядевшись, они поняли, что это было живое существо. Огромное, покрытое густым, свалевшимся мехом существо, бегущее на четвереньках.

Андроид же все понял с первого взгляда.

– Айвур, – сказал Иона.

– Айвур? – быстро глянув на него, удивленно переспросил Валтор. – Откуда здесь айвур?

Разумеется, у рамона и мысли не было о том, что андроид мог ошибиться. Но тем не менее это было очень странно. Да какое там странно, когда невозможно! Айвуры находились по другую сторону кордона. И в холодильнике квада лежала оторванная кисть одной из этих тварей – прямое свидетельство того, что может произойти, если айвур окажется в зоне действия гравитационной мины.

– Лучше не спрашивай.

– Ты не знаешь ответ?

– Он тебе не понравится.

– Хорош трендить, парни. Хватайте игрушки.

Грир протянул сидевшим спереди автоматы. А сам сдержнул чехол с пулемета и взялся за приклад.

Айвур бежал навстречу кваду, отталкиваясь от земли кистями передних конечностей. Он не замедлял свой бег и явно не собирался сворачивать.

– По-моему, это плохая идея, – сказал Иона.

– Бодаться с айвуром? – уточнил Грир.

– Ну, да. Судя по тому, что рассказывали рамоны, столкнувшиеся с ними на восточном пути, айвура даже из гранатомета не уложить.

– Ну, с одного выстрела, может, и не уложить. А если несколько раз подряд?

– Айвур не даст нам такого шанса.

– Да и гранатомета у нас нет.

– Зато есть пулемет.

– Ребята, это не шутки.

– Мы еще можем свернуть в лес.

– А если он за нами побежит? В лесу мы от него не оторвемся.

– Какого черта он вообще тут делает?

– Я попробую объехать его на скорости.

– Если он позволит тебе это сделать.

– Есть другие предложения?

– Делай свое дело, Валтор. – Зловеще оскалившись, Грир похлопал ладонью по прикладу пулемета. – А я сделаю свое.

– Не вздумайте, Александр Васильевич, – осадил его Иона.

– Парень, я знаю, когда пора нажимать на спусковой крючок, – заверил его рамон.

Иона с тревогой посмотрел на Валтора.

Прей в ответ только плечами пожал – ну, что, мол, с ним сделаешь.

Александр Грир был похож на ребенка, попавшего в магазин игрушек в чудесный день, когда все, что лежало на полках, можно было взять бесплатно. После долгого затворничества, наполненного лишь воспоминаниями и рассказами о былых подвигах, старый рамон вновь почувствовал себя в деле. Валтор был прав, остановить его было невозможно. Однако ж и Грир был не мальчик. Он мог легко поставить на кон свою жизнь. Но играть чужими жизнями для него было непозволительно. Так что Иона мог не беспокоиться, Грир нажмет на спусковой крючок точно тогда, когда это будет необходимо. Ни секундой раньше.

Расстояние между айвуром и квадом неумолимо сокращалось.

Валтор быстро разжал и снова сжал пальцы на рулевом колесе.

«Порядок», – мысленно сказал он сам себе. И начал плавно вдавливать в пол педаль газа.

Иона сложил руки на автомате, который лежал у него на коленях. Лицо андроида было спокойно и невозмутимо. Он знал, что сегодня им не суждено погибнуть.

Почему?

Да просто знал, и всё тут.

Не предчувствовал, а точно знал.

Грир гладил кончиками пальцев приклад пулемета, что-то тихо ему нашептывал, так тихо, что даже Иона не мог разобрать ни слова и изучал айвура сквозь прорезь прицела.

Айвур был похож на неуправляемую машину убийства. В нем чувствовалась дикая, первозданная мощь. Он был опасен, но одновременно и красив, как может быть красиво оружие, таящее в себе смертельную угрозу. Несмотря на огромные размеры и вес, айвур двигался легко и плавно, как будто законы механики для него были другими. А это означало, что под шкурой у него скрывается мощная мышечная масса. Зверь передвигался вперед широкими скачками, опираясь о землю согнутыми пальцами передних конечностей и резко выбрасывая вперед задние.

– Держитесь, братцы, – предупредил Валтор.

Готовясь выполнить маневр, он плотнее обхватил руль руками и попытался крепче вдавить педаль газа в пол, хотя дальше уже было некуда.

И тут случилось то, чего никто не ожидал.

С пятиметрового обрыва, тянувшегося справа от дороги, слетело большое и в высшей степени необычное транспортное средство, похожее на поставленную на колеса лодку. Борта лодки были укреплены металлическими полосами. А по краю бортов были установлены стальные щиты, между которыми оставались лишь узкие бойницы. Центральная часть лодки, где находилось рулевое управление, была накрыта овальным полупрозрачным куполом.

Лодка упала на дорогу прямо перед квадом. Ее кинуло сначала в одну сторону, затем в другую. Подпрыгивая и держаась, лодка никак не могла встать на грунт всеми шестью

колесами разом. А без этого она не могла обрести устойчивость.

Чтобы не столкнуться с лодкой, Валтору пришлось резко затормозить и вывернуть руль в сторону. Грязь полетела из-под колес. Машина пошла юзом и остановилась.

– Да, стать вашу! – в сердцах выругался рамон.

И сразу взялся за автомат.

Рулевой лодки наконец-то справился с управлением. Странная машина выровняла свое положение на дороге и, как вылетевшая из ствола пуля, понеслась вперед. Явно намереваясь протаранить айвура своим обитым железом носом.

– Что это? – удивленно спросил Грир.

– Сухопутная лодка «Кабу-Кабу», – ответил Иона.

– Спасибо, весьма информативно.

– Это, стать их, шинандзаки, – сказал Валтор. – Один из кланов местных жителей. Безумные автомеханики.

– Безумные – в хорошем смысле?

– В замечательном.

– Они наши друзья?

– Да.

– И что они намереваются сделать?

– Быть может, я ошибаюсь, но, по-моему, они хотят зава-
лить айвура.

– У них это может получиться?

– Если так, то я этому не удивлюсь.

– Наша поддержка им потребуется?

– Ну думаю. Шинандзаки знают, что делают.

У несущейся прямо на айвура «Кабу-Кабу» упал вниз носовой щит. За щитом оказалась большая гарпунная пушка, которая незамедлительно выстрелила. Вылетевший из пушки тяжелый металлический гарпун вонзился в правое бедро айвура. Зверь будто споткнулся на бегу. Но не упал, а вскинул голову, на которой была видна только широкая пасть с торчащими зубами, и издал злобный рык.

Держа гарпунный трос натянутым, лодка шинандзаки резко забрала влево, обогнула айвура по дуге, метнулась в противоположную сторону и оказалась у него за спиной.

То, что айгур никак не отреагировал на этот маневр, можно было объяснить недоумением, что вызывал у него торчащий из бедра гарпун. Пока он приходил в себя и оценивал ситуацию, сзади на плечи ему полетели крючья с привязанными к ним веревками. По которым тотчас начали карабкаться двое человек в кожаных одеждах, с оружием, закрепленным на спинах. Крюки были тупые на концах и загнуты таким образом, чтобы не проткнуть дубленую шкуру айвура, а зацепиться за свалявшуюся шерсть. Все было продумано и сделано с таким расчетом, чтобы зверь не сразу понял, что главная опасность находится не спереди, а сзади.

– Ловкие ребята, – одобрительно заметил Александр Грир.

Тем временем сухопутная лодка шинандзаки завершила

круг и снова оказалась перед айвуром. На этот раз зверь наклонился вперед и выбросил правую лапу, пытаясь ухватить лодку за борт. Но навстречу ему полетела плотная стая стальных болтов, выпущенных из арбалетов шинандзаки. Уколы болтов были для айвура не больше комариных укусов, но, как бы там ни было, зверь подался назад и принялся размахивать лапами перед собой, разгоняя жалящих паразитов.

А карабкавшиеся по спине айвура шинандзаки уже добрались до его плеч.

Находившиеся на борту лодки шинандзаки выпустили последнюю партию болтов. Ловко развернувшись перед самым носом айвура, «Кабу-Кабу» понеслась прочь. Трос, обмотанный вокруг ног айвура, натянулся и дернул воткнутый в ногу гарпун. Айвур взвыл от боли и кинулся было следом за лодкой. Но запутался ногами в тросе и грохнулся на дорогу с выброшенными вперед передними конечностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.